

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

3 (247) •
март 2019

**БРАТСТВА –
ВЕЛИКОЕ ЯВЛЕНИЕ
РУССКОГО ДУХА**
стр. 3

**МНОГООБРАЗИЕ –
В ПРОТИВОРЕЧИИ
И В ЕДИНСТВЕ**
стр. 11

**Я И СЕГОДНЯ СКАЖУ:
«ЗАВТРА РОССИЯ
ВОСПРЯНЕТ»**
стр. 17

ТЕМА

РУССКИЕ БЕСЕДЫ

стр. 11

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ

XIII Научно-богословская конференция

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ: СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ И ЕЕ УСТРОЙСТВО

**13.05–15.05,
Москва – Подмосковье**

Соотношение призвания Церкви и её устройства остаётся недостаточно осмысленным. Особенно страдает тема частого несоответствия исторического бытия Церкви евангельской норме, где среди прочего остро стоит вопрос о причинах редукции харизматического начала в пользу доминирующего на сегодняшний день начала институционального. В недостаточную разработанность этих аспектов экклезиологической теории часто упираются возможности практического осуществления христианами своей ответственности за весь мир в современных реалиях, в условиях доминирования секулярных принципов устройства социальной жизни как в национальном, так и в международном масштабе.

ОРГКОМИТЕТ:

Тел.: +7 (495) 623-03-80
+7 (968) 937-34-64 Алина Патракова
+7 (965) 297-92-07 Анна Сафронова
E-mail: conference@sfi.ru

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ФОНД «ПРЕОБРАЖЕНИЕ»

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОБРАНИЕ

при участии Свято-Филаретовского православно-христианского
института и Философского факультета Московского
государственного университета

Международная научно-практическая конференция

«КУДА Я ВЕРНУСЬ?»

13–14 апреля

В результате трагических событий 1917–1922 годов Россия пережила не только слом традиционной для неё цивилизационной модели, но и самый значительный в истории Европы нового времени разрыв внутри национальной элиты. Были вынуждены покинуть страну сотни тысяч русских людей, принадлежавших к тому слою общества, который, по преимуществу, создавал национальные ценности в сфере политики, экономики, культуры.

В 1990-е годы у эмигрантов и их потомков появилась возможность для возвращения в Россию, но вернулись немногие. Устроители конференции хотели бы не только выявить последствия этих событий для России, но и наметить возможные пути преодоления этих последствий.

СЕКРЕТАРЬ ОРГКОМИТЕТА: Екатерина Алексеева.

КОНТАКТЫ: Тел.: +7 (965) 359-59-47,
E-mail: conference@psmb.ru

Содержание

МАРТ 2019

~ Новость номера

Исполнилось десять лет
интронизации патриарха
Кирилла | 2

~ Событие

Братства – великое
явление русского духа | 3

~ Рождественские чтения

Счастье – это когда тебе
доверяют | 6

На Рождественских
чтениях – о национальном
покаянии и свидетелях
веры | 9

~ Тема номера

Многообразие –
в противоречии
и в единстве | 11

~ Интервью

Я и сегодня скажу:
«Завтра Россия
воспрянет» | 17

~ Живое предание

Братский помянник | 20

~ Прощание

Творец культуры | 21

~ Открытая встреча

Жить вместе с Богом
и человеком в
современном мире
(продолжение) | 22

~ Пресс-конференции

О перспективах
общинной жизни
в «России сегодня» | 26

~ Письма читателей

Мы – православное
братство, а не просто
общество трезвости | 29

Яркий мак посреди
зеленеющего поля | 32

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 21 февраля 2019 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 1 марта 2019 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш,
Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине **predanie.org**;
в Москве: в редакции (в
настоящее время находится в
помещении СФИ –
ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,
тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: В усадьбе Трубецких. Фотография из собрания
Образовательного фонда им. Сергея и Евгения Трубецких.

На четвёртой странице обложки: Ной, выпускающий голуби. Мозаика собора Св. Марка.
Венеция. XIII в.

Тема этого номера – «Русские беседы» – касается, как это порой непреднамеренно происходит, не только материалов рубрики «Тема номера». В каком-то смысле членами русской

беседы на страницах «Кифы» сегодня стали не только участники опубликованного в ней разговора о политической культуре России, но и вернувшийся 30 лет назад на родину наследник представителей

первой русской эмиграции Сергей Самыгин, и те, кого мы вспоминаем и с кем прощаемся в эти дни – артист и режиссёр Сергей Юрский и яркая представительница русской эмиграции Татьяна Варшавская... **КС**

Александра Колымагина

НОВОСТЬ НОМЕРА

Исполнилось десять лет интронизации патриарха Кирилла

В тексте использованы материалы сайта Патриархия.ру

На празднование в Москву приехали предстоятели и делегации девяти Поместных православных церквей

В день десятилетия своей интронизации Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл вместе с предстоятелями и представителями Поместных православных церквей, архиереями и священнослужителями Русской православной церкви совершил Божественную литургию в храме Христа Спасителя в Москве. Своё слово по окончании литургии патриарх начал с воспоминания о событиях десятилетней давности:

«В день избрания на Московский Патриарший престол я с духовным трепетом особенно ясно осознал и почувствовал, что в центре патриаршего служения – крест, не что другое, а именно крест. Ныне, стоя на том же священном месте, могу свидетельствовать перед Богом и вами, что поистине велика тяжесть этого креста, и если бы не помощь свыше и не молитвы всей Церкви, то вряд ли хватило бы человеческих сил понести его.

Все эти годы я неизменно чувствовал молитвы епископата, духовенства, монашествующих, мирян, чувствовал и понимал, что именно эти молитвы и поддерживают мои немощные силы, помогая совершать служение». То, что служение патриарха остаётся одним из особенно тяжёлых крестов, неудивительно; многие проблемы, связанные с ним, как и вообще многие проблемы в жизни нашей церкви рождены не только наследием константиновского периода церковной истории, но и болезнями, до конца не изжитыми после семидесятилетнего периода советской власти. Ведь в течение нескольких поколений вера истреблялась безбожным государством, а когда уничтожить её не удалось, была предпринята новая попытка: сделать её полностью подконтрольной всесильной тайной полиции. Стоит ли удивляться, что и сегодня в церкви и около неё так много разрушитель-

ных фундаменталистских сил? Что многие церковные бабушки – вчерашние комсомолки и члены партии (и не только они) проявляют вместо веры и желания послужить Богу и Церкви – суеверие и желание что-то получить для себя и своих? Что зависимость от государства по-прежнему остаётся одной из главных проблем церковной жизни – казалось бы, наконец такой свободной? Увы, даже добрые намерения и планы патриарха (о которых наша газета подробно писала три года назад) часто не в состоянии победить вязкость (и одновременно жёсткость) той среды, где всё оборачивается симулякрами. И можно лишь вновь повторить: как бы ни сложны были обстоятельства, с каким бы противодействием ни приходилось сталкиваться всем, кто действительно «хочет жить благочестиво», всегда остаётся надежда – надежда, которая не постыжает. **КС**

Братства – великое явление русского духа

В Екатеринбурге прошла конференция «Православные братства в истории России. Явление единства в разрозненном мире»

Текст: Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

Пленарное заседание

В феврале 2019 года по благословию митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла в Екатеринбурге прошла очередная, третья конференция, посвящённая истории православных братств (две предыдущих проходили в Подмосковье и в Петербурге). В этот раз вместе со Свято-Филаретовским институтом и Преображенским братством организатором конференции выступил Миссионерский отдел Екатеринбургской епархии.

Помню, как идею о проведении подобного форума мы, несколько петербуржцев, обсуждали года три-четыре назад. Тогда она казалась почти неосуществимой: разве эта тема не будет слишком узкой, найдутся ли специалисты, темы, материалы? И вот уже третья конференция, приглашены гости из разных стран – и с каждым годом становится всё интереснее, открываются новые страницы истории.

Мы приехали в Ганину Яму ночью, сразу с самолета. Ехали по прекрасному зимнему лесу, который мог бы показаться сказочным, если бы не воспоминания о том, что здесь происходило сто с лишним лет назад. На следующий день нам подробно рассказала об этом местная жительница: как останки цар-

ской семьи привезли сначала в Ганину Яму, пытались их уничтожить. Когда растворить кислотой и сжечь их не удалось, повезли дальше; скидывали в шахту, но когда они наутро поднялись вместе с подземными водами, повезли ещё дальше – в болото, и, закопав неглубоко, привалили шпалой – чтобы уже не поднялись... При этом для запутывания следов останки двоих детей – Марии и Алексея – отнесли ещё на 100 метров в сторону и после попытки сжечь закопали отдельно. Слушая об этом, мы невольно спрашивали друг друга: до какого безумия нужно было дойти, чтобы *так* «прощаться» с последним царём и его семьей?

На этой земле в первую очередь вспоминались новомученики и исповедники веры, тем более что многие из них были членами братств, общин, духовных союзов. Братчики из Крестовоздвиженского братства под Черниговом, из Симеоновского братства под Екатеринбургом, Московского Братства-Союза ревнителей и проповедников православия, из петроградских Александро-Невского и Мефодиевского братств, новгородского Трудового братства еп. Макария (Опоцкого) и ещё многих... Однако, хотя специальная тема конференции «Братства в России

На Литургии в канун дня памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской

Историк Кирилл Александров и ректор СФИ священник Георгий Кочетков

Гамлет Закарян рассказывает о жизни Братства Армянской Апостольской церкви

Протоиерей Константин Костромин

в период гражданской войны» располагала к разговору об исповедничестве, многие доклады касались далеко не только её.

Открывший конференцию доклад ректора СФИ профессора священника Георгия Кочеткова многие потом цитировали в самых разных контекстах, вспоминали в кулуарах. Отец Георгий говорил о братствах как явлении постконстантиновской эпохи и о том, какие перспективы ожидают церковь в зависимости от того, какой путь преодоления текущего кризиса она выберет. Хотелось бы назвать ещё многих докладчиков и их темы, но, наверное, правильнее будет дождаться сборника материалов – с полными текстами, дискуссиями, завершающим круглым столом о братском потенциале созидания общественного единства.

Мы надеемся познакомить читателей «Кифы» хотя бы с фрагментами некоторых докладов, которые смогут передать богатство мысли, а может быть, и силу духа братчиков, живших на нашей земле столетия назад. А пока хотелось бы поблагодарить организаторов этого форума, особенно Елизаветинское и Екатерининское братства, которые тихо, незаметно, с настоящей братской любовью принимали многочисленных гостей из 4 стран, 23 городов и 18 епархий.

Особенно хочется вспомнить поразивший многих исторический вечер, посвящённый воинскому братству галлиполийцев. На нём мы слышали свидетельства потомков этих мужественных людей – вынужденных эмигрировать офицеров и солдат Белой армии, которых не сломили ни разлука с любимым Отечеством, ни страшная нужда на отданном им для

жизни пустом, практически необитаемом полуострове.

И конечно, нельзя забыть последний вечер конференции – музыкальный, когда на сцене неожиданно мы увидели не только подготовленных артистов и членов братств, но и только что выступавших докладчиков – Кирилла Александрова, профессора Петроса Василиадиса, Гамлета Закаряна из армянского братства и других. Общение во время научных докладов и обсуждений неожиданно перешло в другое, дружеское русло. И то, что при этом кто-то из гостей благодарил отца Георгия Кочеткова за Преображенское братство, а кто-то пел о юнкерах, погибших при защите России от большевиков, было так же естественно, как и выступления других участников.

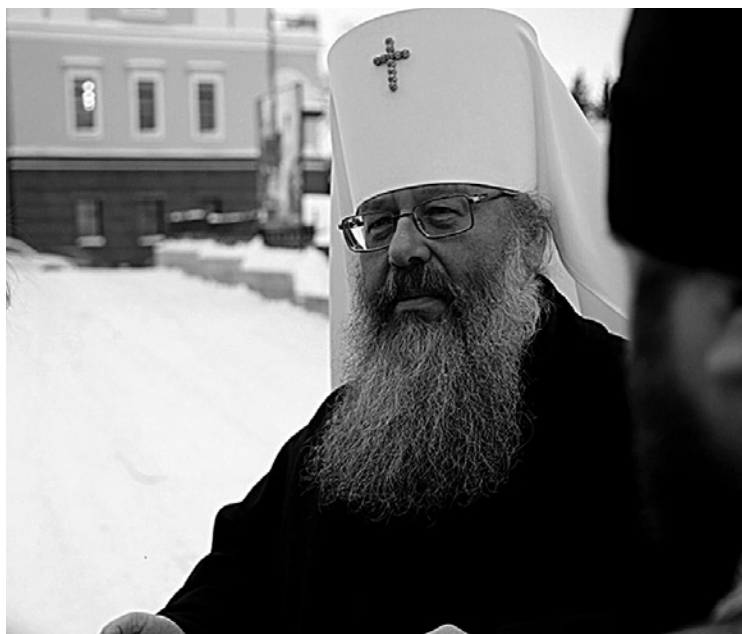
Под конец назовем хотя бы некоторые темы, прозвучавшие на этой, казалось бы, короткой двухдневной конференции: о принципах братского пресвитерского служения в русской церковной традиции XX века, о возможной концепции музея истории православных братств и союзов, о поисках новых экклезиологических моделей на основе жизни братств начала XX века, о различиях между братствами до и после 1917 г., об идее братолюбия в русской богословской мысли в XVIII–XX вв. и опыте её воплощения...

«Братство – это закваска братолюбия, без которого невозможно боголюбие», – сказал отец Георгий Кочетков в последние минуты конференции. И с этой верой – что и сегодня, несмотря на великие утраты традиции в советское время, возможна жизнь в братолюбии и боголюбии, мы разъезжались, прощаясь до следующей конференции.

Если мы говорим сегодня в церкви кому-то «брат» или «сестра», это должно быть не просто формой, а сутью.

В этом месте невозможно не вспоминать всех погибших от красного террора...

Митрополит Кирилл

Интервью с митрополитом Екатеринбургским и Верхотурским Кириллом

Беседовала Анастасия Наконечная.

Дорогой владыка, разрешите Вас поблагодарить за конференцию, посвящённую истории православных братств, которая прошла по Вашему благословению. Сегодня, в день памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, хотелось бы Вас спросить: как Вам кажется, почему для новомучеников было так важно единение верующих? Известно, что многие из них участвовали в братствах, общинах, каких-то духовных союзах — с чем это связано?

В этом же и состоит наше учение: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17:21), — говорит Христос. Церковь — это Тело Христово. И хотя все члены разные, вместе они составляют один организм. Поэтому, если мы говорим сегодня в церкви кому-то «брат» или «сестра», это должно быть не просто формой, а сутью.

Когда в годы гонений Церковь была обезглавлена, именно братства формировали какую-то церковную жизнь. Поэтому собираться в общинные организации, в общины — это для нас сегодня очень важное дело. Ведь худшее, что нам досталось в наследство от советской власти, — разобщённость.

Патриарх тоже считает общинно-братское возрождение одним из важнейших направлений жизни церкви сегодня. Почему же оно происходит не так быстро? Понятно, что «по указке» это сделать, видимо, невозможно, но всё-таки...

Конечно, это не может быть сделано в одночасье. Сейчас формально можно организовать за месяц сто братств и через два месяца их зарегистрировать, как положено. Но ведь из этого ничего не выйдет — должно быть внутреннее движение души.

Сегодня очень сильно развит индивидуализм, самомнение. Это внутреннее состояние человека. Окружающая жизнь направляет человека на то, чтобы он думал только о себе самом. Думать о других ему очень тяжело. Поэтому формально собраться — пожалуйста, а вот по сути собраться людям сегодня очень сложно.

И мы рады тому, что у нас в Екатеринбурге, довольно непростом городе, братства существуют. Они очень разные, они имеют разные служения. Например, у нас есть братство трезвенническое, братство милосердия, есть те братства, которые вас пригласили на конференцию. И это очень хорошо, что в нашем городе люди склонны к церковному и общественному созиданию. КФ

Счастье – это когда тебе доверяют

В рамках Рождественских чтений в третий раз прошёл совместный круглый стол Синодального миссионерского отдела и Свято-Филаретовского института. В этом году его темой было содержание миссионерской проповеди студентам и молодёжи

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина. Фото: Александр Волков

Участники круглого стола – автор блога «Меньше ада» Дарья Косинцева, первый проректор СФИ Дмитрий Гасак, ректор СФИ священник Георгий Кочетков, студент СФИ Михаил Бахадов

Круглый стол проходил в Актовом зале Свято-Филаретовского института

Комментарии гостей и участников круглого стола

Что в обсуждении показалось Вам наиболее интересным?

Иерей Дмитрий Ласкин, клирик домового храма святителя Николая при епархиальном управлении г. Великие Луки: Всё было великолепно, прежде всего спикеры. Дарья Косинцева – это вообще шедевр. Я просто благодарю Бога за то, что у нас в Русской православной церкви есть такие люди. Я даже снимал её на видео и обязательно выложу её выступление

у себя в соцсетях. Потому что она поднимает самые острые и насущные вопросы и, что самое главное, их эмоционально проживает и прекрасно подаёт решение.

В целом же, по-моему, был проговорен очень широкий спектр вопросов. Например, тезис, что мы «должны дело делать». Помните, один из участников дискуссии говорил, что если ты идёшь в социум, нужно забыть «всю теорию христианскую», потому что сейчас народ хочет именно дел? «Иди в дом престарелых, пряники испеки и раз-

дай – вот это будет благодать». Я верю, что у него есть в избытке и благодать, и всё прочее, но всё-таки он не чувствует реальности. Кем должен быть молодёжный миссионер? Он в первую очередь должен быть «подключён к Богу». Второе, он действительно должен, как говорил первый из выступавших, Михаил Бахадов, *делать то, что должен* (а не просто «делать что-нибудь»). И третье – нужно отдать суд о результате Богу, или, как сейчас говорит молодёжь, «не париться» насчёт результата. Господь правду управит. Дей-

Последний момент обсуждения был очень интересен – когда ребята из молодёжного «Круга» стали говорить: «Нам доверяют, и мы хотим, чтобы нам доверяли».

Так вот, чаще всего в церкви молодёжи не доверяли, не доверяют и не знаю, будут ли доверять. И без изменения этой ситуации, я боюсь, ждать больших результатов от всех замечательных обсуждений на Чтениях не приходится.

Многие снимали обсуждение на видео, как это делал священник Димитрий Ласкин

ствительно, мы не знаем, кто как слышит. Бог делает всё и открывает меру слышимости.

И последний момент обсуждения был очень интересен – когда ребята из молодёжного «Круга» стали говорить: «Нам доверяют, и мы хотим, чтобы нам доверяли». Так вот, чаще всего в церкви молодёжи не доверяли, не доверяют и не знаю, будут ли доверять. И без изменения этой ситуации, я боюсь, ждать больших результатов от всех замечательных обсуждений на Чтениях не приходится.

Иерей Симеон Шостаков, руководитель молодёжного отдела Серовской епархии: Мне очень понравилось, что поднимаются действительно актуальные вопросы миссии среди молодёжи, потому что эта тема очень животрепещущая. И обсуждается всё это не на «птичьем языке», а на вполне современном, нормальном; и те проблемы, которые сегодня возникают в этой миссии, обсуждаются прямо и открыто.

Иерей Вадим Овчинников (Ишимская епархия): Мне очень понравилось, что ребята высказывали своё мнение, свою точку зрения, говорили о своём опыте, о том, как они это видят, как чувствуют.

Мне же самому хотелось бы добавить, что главное – с чело-

веком надо просто общаться, его надо просто поддерживать. Когда я был молодым человеком, наш преподаватель, который был христианином, привёл нас в храм. И те росточки, которые уже были в нас, «проклюнулись», и у нас образовался свой круг общения. Мы любили смотреть кино, ходить на какие-то праздники, в кафе ходить любили, общаться друг с другом. И с этим нашим преподавателем мы могли всем этим делиться. И он с нами делился какими-то своими мыслями. Это, наверное, было самым важным. И чувствовалось, действительно, что и Бог это всё в нас поддержал.

Напоследок мне хотелось бы сказать, что есть один современный патерик, где говорится про батюшку, который всё время всем что-то говорил, внушал. А в конце жизни понял одну истину: надо всегда говорить только одно: «Христос воскрес!» И это самое главное.

Дьякон Андрей Арохин: Очень живо и интересно! Я уже не первый раз участвую в Рождественских чтениях, присутствую на разных секциях по разным направлениям: миссионерство, информационная работа, молодёжная работа. Отличие этой секции от всех остальных, которые я слышал за три года, в том, что здесь всё как-то «без

бумажки, без протокола» (не в том смысле, что бумажка и протокол – это плохо), искренне, по-настоящему. Люди искренне говорят о тех вещах, которые их волнуют, о вещах, в которых они разбираются, которыми сами занимаются и делают очень много. Они не теоретизируют, это – практика, и это – здорово! Мне понравился хорошо подобранный контраст главных выступающих: светлый, правильный Михаил и критикующая Дарья прекрасно дополняли друг друга, создавая единую картинку. Я, честно говоря, ехал сюда только по названию секции, даже не знал, что попаду в Свято-Филаретовский институт, увижу о. Георгия Кочеткова. Это получилось достаточно спонтанно, и слава Богу.

Михаил Бахадов, председатель молодёжного «Круга» Преображенского братства в 2013–2017 гг.: Мне кажется, самое главное – то, что получилось пообщаться. Это было интересно всем, и в том числе мне самому. Люди стали раскрываться, шутить, рассказывать о себе. Думаю, всё главное получилось.

И ещё – очень здорово, что в беседе участвовала именно молодёжь из «Круга», причём не впустую и по делу. Потому что хорошо, когда молодёжь говорит про молодёжь.

Тема Чтений – «свобода и ответственность». Как Вам кажется, в какой области церковной жизни нам больше всего недостаёт свободы, и на что бы её надо в первую очередь употребить, если мы её в той или иной степени обрящем?

Иерей Георгий Мартынов (Серовская епархия): Эта тема важна для верующих во все времена, потому что свобода следования за Христом, свобода исполнения заповедей Христовых актуальна во все века. И тысячу лет назад, и в наши дни христиане реализуют свою свободу, когда идут за Христом, когда в своей жизни реализуют замысел Божий о себе.

Как и всё важное, это должно начинаться с малого. Какие-то малые шаги, малые действия очень важны в нашей христианской жизни. Пускай это будет небольшое внимание, небольшая любовь – как сегодня говорили, аванс любви – к другому человеку. Но из этих малых добрых поступков будет складываться уже очень важное.

И ещё – нам важно помнить, что Христос рядом с нами, что Он протягивает нам руку. И для того, чтобы идти этим путём – путём свободы во Христе, мы рассчитываем не на свои силы, а на помощь Христа, и берёмся за Его руку, и следуем этим путём.

Дьякон Андрей Арохин: Я бы не мог, наверное, чётко и определённо ответить, потому что слово «свобода» все воспринимают и произносят по-разному, и часто она ассоциируется с каким-то бунтом, революцией или со вседозволенностью – даже в церковной среде. Хотя многие люди говорят, что

свобода и вседозволенность – это не одно и то же, но порой они только говорят об этом. Поэтому, мне кажется, свобода, где она применима в Церкви, может быть в деле пастырского окормления, когда пастырь беседует лично с пасомым, например, на исповеди или в формате диалога, живого совета, наставления, помощи. Тут, может быть, очень важно открыться Духу Святому, услышать, что Он тебе касательно этого человека говорит, и у любого священника такая возможность есть. Во всём остальном – в соблюдении церковных канонов, правил, традиций, которые многие считают ненужными и устаревшими, архаичными, сковывающими цепями – тут я бы не мог сказать, что свобода – это главное слово, которое требуется. У нас очень много говорят о традиции, о послушании говорят меньше, хотя я считаю, что эти слова не менее важны. И слово «свобода» звучит полноценно только когда стоит рядышком с этими двумя словами.

Иерей Симеон Шостаков: Это трудный вопрос. Попробую ответить цитатой из фильма, который я очень люблю. Это ирландский фильм «Голгофа», снятый в 2004 году. Один из героев, священник, разговаривая со своей дочерью, говорит такие слова: «Сегодня очень много говорят о грехах, и очень мало – о добродетелях». Наверное, эта проблема действительно есть. Мы мало говорим нашим прихожанам о свободе во Христе, о том, что на самом деле это свобода и от своих стереотипов, и от того негатива, который в тебе есть. Это не значит, что ты пришёл в

церковь и стал свободным, но в церкви – путь к этой свободе. Наверное, в этом смысле свободы нам сегодня не хватает. Хотелось бы, чтобы больше было уделено внимания именно этому – разговору о свободе во Христе, разговору о добродетелях. Да, обличения есть, они нужны, иногда нужно отрешиваться, это необходимо; но плохо, когда этого слишком много.

Я бы не сказал, что я хорошо знаком с богослужебной традицией, и не могу сказать, что не хватает свободы в богослужении.

Есть замечательные слова Клайва Льюиса; в одном из своих писем он писал, что как-то он зашёл в православный храм и удивился тому, что одни стоят прямо, другие на коленях, третьи сидят, и никто никого ни в чём не упрекает. Вероятнее всего, он зашёл в один из храмов Сурожской епархии, и эта свобода православия его удивила. Он пишет, что у них, англикан, было не так, хотя они тоже много говорят о свободе. Но истинную свободу в богослужебном смысле этого слова он увидел в православии.

Это ведь было, наверное, во времена владыки Антония (Блума)?

Скорее всего, да. Владыка Антоний – это уникальный человек. Он смог показать своим современникам, людям своего менталитета, своего круга и вообще многим людям, что по-настоящему значит жить в Любви, во Христе – потому что он сам был носителем Христа, сам был истинным в этой Любви. Нельзя вдохновить человека на что-то, не обладая самому тем даром, о котором пытаешься кому-то сказать. **КФ**

На Рождественских чтениях — о национальном покаянии и свидетелях веры

Рассказывали на разных секциях члены Преображенского братства

Фото: Александра Строчева

Андрей Васенёв выступает на секции Рождественских чтений «Увековечение памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской и всех пострадавших в годы гонений». 29 января 2019 г.

Андрей Васенёв, председатель Боголюбского малого православного братства (Тверь): Я уже традиционно хожу на секцию, посвящённую прославлению памяти новомучеников и исповедников церкви Русской по личному приглашению Игоря Гарькавого, руководителя научного центра «Бутово». Игорь Владимирович считает, что на секции не столько должно произойти погружение в тему, сколько должен состояться обмен опытом устройства разных конференций, вечеров, проектов. Он знает, что у нашего братства есть в этом достаточно богатый опыт, поэтому меня попросили выступить по теме: «Столетие красного террора: опыт осмысления трагедии в проектах православных братств». Когда начинаешь рассказывать, что за год удалось сделать, и как-то суммируешь всё, что мы проводили – выставки, вечера, концерты и т. д., то видишь, что это опыт действительно большой и многообразный, и что он нарабатывается, качественно улучшается.

Но что любопытно – само собой получилось так, что в основном разговор шёл не столько о событиях, сколько именно о братском опыте в жизни церкви. Я об этом сказал, когда рассказывал о конференции, прошедшей в Санкт-Петербурге, и сразу же оговорился, что может быть, слушатели удивятся, что в теме «красный террор» я рассказываю о братстве. Но ведь именно это и был органичный ответ церкви на события 1917 года. Это совершенно точно коррелируется с опытом новомучеников, которые за церковь отдавали свою жизнь. И в этот момент я видел, как где-то в рядах люди энергично закивали. Удалось сказать и о том, что церковь снова начинает откликаться на этот опыт братских союзов.

Удалось сказать, что в принципе все те события, которые я перечислял, подвёрстываются в один большой проект, который инициировало наше братство: Форум национального покаяния и возрождения «Имеющие надежду». Я показал небольшой ролик о форуме, и именно это вызвало

существенный резонанс. Потому что в аудитории среди тех, кто пришёл почтить память новомучеников и исповедников Российских, оказались люди, сомневающиеся в том, что покаяние нам необходимо. В частности, мой знакомый, редактор «Православной Москвы», сказал, что покаяние может быть личным, но никак не национальным. А если мы и призываем народ каяться, то почему говорим о нашем покаянии, но не говорим о покаянии латышей или украинцев? (Хотя в рамках Форума мы как раз говорим о покаянии *всех народов* бывшей Российской империи, и я просто не знаю, из чего он сделал такой вывод.) Потом он сказал, что невозможно каяться за то, что сделал кто-то и когда-то, что у него самого репрессированы родственники, но не он же их репрессировал. Третий вопрос был связан с тем, что покаяние – это таинство, а у нас в стране много людей разных вер, «которые непонятно в каких отношениях находятся с нашим христианским Богом». Поэтому непонятно, как это мы предлагаем их всех «причесать» под нашу идею.

Отец Кирилл Каледа, который председательствовал на этой секции, конечно, хотел потушить пожар дискуссии и вместо меня дал слово для ответа отцу Максиму Плякину, секретарю Саратовской епархиальной комиссии по канонизации святых. И о. Максим разоблачил все мифы, озвученные в вопросах, причём сделал это блестяще, энергично, чётко. Он призвал, во-первых, не путать нацию, национальность и национализм (что, безусловно, звучало в первом вопросе). Во-вторых, он сказал, что спорить по поводу миссии в вопросе национального покаяния нужно не со мной, а с патриархом Иовом, который в смутные времена и призывал народ на покаяние. А к вопросу о таинстве он сказал, что покаяние в классическом понимании – это по-гречески метанойя, что означает изменение пути. И в этом смысле нет никаких препятствий к тому, чтобы призывать к этому самых разных людей.

И все последующие спикеры продолжали эту тему, приводили разные примеры. Дискуссия продолжалась и в кулуарах. Мне понравилось, как завершил сессию сам председатель, отец Кирилл. Он сказал, что вопрос покаяния – вопрос центральный, потому что если почитать протоколы допросов новомучеников, то там они все свидетельствуют о том, что народом совершен общий шаг, который требует и общего исправления. На этом он завершил беседу. И хотя разговор был совершенно «не инструментальным», а стал как раз погружением в тему, что несколько противоречило принципу этой секции, но как раз эта интересная дискуссия, на мой взгляд, придала обсуждению жизнь.

Сергей Бурлака

Сергей Бурлака, выпускник Московской консерватории, член малого православного Воскресенского братства:

Я впервые участвовал в Рождественских чтениях в рамках секции «Церковь и культура». Меня привлекло то, что конференция, которая проходит в рамках этой секции, организована Московской консерваторией. Я выступал там с докладом о духовном руководстве Марии Вениаминовны Юдиной, и, конечно, это было очень примечательно с личной точки зрения, потому что я совсем недавно сидел в этом зале в качестве оркестранта, а сейчас в качестве докладчика по истории Церкви. Очень приятно удивило, какое открытое движение мысли есть в стенах консерватории и Академии Гнесиных, от которых тоже были докладчики. В основном это были очень музыковедческие сообщения, которые с христианством связаны скорее эстетически, чем глубоко церковно. Но всё-таки очень порадовало то, что современные молодые люди выбирают эту тематику. Им интересно проследить, как христианство зародило, обогатило, поддерживало европейскую культуру, в том числе музыкальную. Прекрасные профессора, верующие люди из консерватории участвовали в организации этой конференции и чувствовалось, что это не просто попытка что-то сделать «для галочки», что это очень искренне.

Конечно, мне немного не хватило участия церковных людей в попытке на этот шаг представителей музыкальной культуры ответить достойно, дать глубоко христианскую оценку в духе диалога церкви и культуры, который зарождался в начале XX века. К сожалению, разговор получился немного односторонним. Но возможно, те связи, которые обрелись на этой конференции, помогут это впоследствии восполнить в ходе дальнейшего сотрудничества не только в рамках Рождественских чтений. Так, например, я знаю, что Роман Александрович Насонов, один из главных организаторов этой секции, вскоре будет читать в клубе «Событие» при СФИ лекцию об Иоганне Себастьяне Бахе, об одной из его так называемых высоких месс. **КФ**

Многообразие – в противоречии и в единстве

Мы продолжаем публиковать фрагменты «Русских бесед», которые уже третий год проходят в Москве, а в последнее время начали собираться и в других городах

Александр Баранов, зав. кафедрой социально-гуманитарных наук Академии социального управления: Существует одна из хрестоматийных систем классификации политической культуры, предложенная американскими политологами Алмондом и Вербой. Они выделяют три основных типа политической культуры.

Первая, «приходская» (иногда её ещё называют или общинной, или традиционной), основана на отсутствии в обществе политических ролей, отсутствии связи общества и политической системы: власть существует сама по себе, а люди в некоем совершенно оторванном от неё пространстве.

Вторая, «подданническая» – тип политической культуры, при которой общество является объектом действия власти: воспринимает исходящий от власти поток распоряжений и ожидает от неё каких-то благ.

И третья – «культура участия», которая ассоциировалась у

авторов исследования с демократическим обществом, где люди испытывают потребность участвовать во власти, а не относиться к ней бессознательно или являться лишь объектом её действия.

Если пользоваться этой системой классификации, Россия начала XX века не попадает ни в одну из этих культур, или, скорее всего, все три культуры попадают в неё.

Для крестьянской массы реальной властью были местная полиция, ближайшее начальство и т. д. Преобладало регионально-земляческое восприятие жизни, отсутствие представления о таких больших вещах как страна, государство. Глядя на эту колоссальную часть общества, понимаешь, почему очень плохо работали те реформы, которые предпринимались элитой. С одной стороны, общество созрело для революционных преобразований, парламентаризма. Но подобного рода институты не могут работать там, где подавляющее количество людей находится в таком «традиционалистском» состоянии.

Вторая крупная часть общества, которая была, конечно, гораздо меньше в количественном отношении, ассоциируется с подданнической культурой. Это

тот слой, который был главной опорой императорской России с момента создания империи и приблизительно до конца XIX века. Прежде всего это дворянское сословие, которое постепенно, хотя и достаточно медленно, покидало свою главенствующую роль. Его власть постепенно концентрировалась в других институтах, прежде всего в чиновничьем аппарате и армии; церковь в этот момент своей истории также во многом превратилась в закрытый государственный институт, который обязан был прежде всего выполнять государственную функцию по контролю за устроением. Это была очень политически активная часть общества. И если для крестьян «узаконенной» формой незаконного действия был бунт, то для неё – военный или дворцовый переворот.

И, наконец, третья часть русского общества и третий большой поток культуры, основанный на стремлении к участию в политике, – это либеральное движение, народнические движения разных оттенков, различные общества, которые сами могли быть не политическими, но при этом быть связанными с помощью каким-то партийным проектам. Этот стремительно расширявшийся сег-

мент русского общества, который возник где-то в середине XIX века, представлял собой культуру, основанную на стремлении к трансформации общества по своим собственным идеалам. Среди них были: высшая ценность интеллектуальной деятельности, готовность к восприятию новых идей и реализации их на российской почве. И все внутренние споры и конфликты между различными партиями и движениями внутри него (если не считать крайних, террористических течений) проходили в ценностном согласии по поводу того главного, что люди хотят видеть от политики.

События февраля 1917 года представляют собой уникальный момент, когда одна часть общества поднимает бунт, вызванный невыносимыми условиями, нехваткой хлеба, другая начинает этот бунт превращать в революцию, и в этот же момент та часть общества, которая находилась около трона, совершает нечто похожее на дворцовый переворот. Сочетание этих трёх видов – бунт, революция и переворот – и привело к тому, что начинает разрушаться не просто система, начинает разрушаться государственная культура.

Собственно, те три сегмента общества, о которых я говорил и каждый из которых по-своему является носителем собственной культуры, оказались в начале XX века в ситуации неуправляемого конфликта. Этот конфликт в конечном итоге привёл к тому, что

в 1917 году началось тотальное разрушение, неконтролируемое рождение той самой солдатской массы, на силе и количестве которой началось уже разворачивание большевистского этапа революции, Гражданской войны и того, что с этим связано.

Олег Щербачёв, председатель Российского и Московского Дворянского собрания: Вы говорили о том, что бунты в России происходили, когда дело доходило до некоторой точки невозможности дальнейшего существования. Но, насколько мне известно, в феврале 1917 года не было такой невозможности. Да, с хлебом были перебои, но только с чёрным, и это не был голод. Все другие воюющие страны были в худшей ситуации, чем Россия. И однако революция случилась именно у нас, бунт поднялся именно здесь. Как бы Вы прокомментировали это наблюдение?

Александр Баранов: Это была ситуация, которая *понималась как невыносимая*. Был ещё один важный фактор, который я не упомянул: отсутствие власти, которая бы воспринималась как обладающая силой. Соединение этих моментов очень характерно. Мы

видим, что чем сильнее власть, тем реже возмущение невыносимыми условиями.

Юрий Попов («Российская энциклопедия»): Самый опасный момент – не гнёт или невыносимая ситуация, а либерализация прежнего режима.

Александр Баранов: Да, это действительно повышенные риски. И отсюда, по идее, должен бы возникнуть вопрос: значит, не нужна либерализация? Но это ошибочный вопрос. Потому что либерализация происходит не потому, что кто-то захотел, а потому, что уже невозможно оставаться в прежнем состоянии. Переход к либерализации порождает новую сеть проблем, которые иногда становятся ещё более страшными. В этом, собственно, и результат Великих реформ Александра II. Их нельзя было не проводить, но их осуществление спровоцировало всё последующее.

Андрей Грищенко, координатор московского отделения Мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое дело»: Мы говорим об отношении народа к власти. С другой стороны, есть и вопрос об ответственности власти

за народ. Как Вы думаете, что надо было делать в 1917 году власти? Если точнее – императору?

Александр Баранов:

Как раз его ситуация в том, что на начало 1917 года он а) был не в столице, б) находился в очень специфическом информационном поле: важнейшая информация или совсем не доходила до него, или доходила с большим опозданием. И такое ощущение, что он не совсем это чувствовал.

Кроме того, я даже не могу себе представить, как из ситуации Первой мировой войны монархия могла бы выйти в том виде, в котором она в неё вошла.

Олег Щербачёв: Она могла бы всё-таки трансформироваться при каких-то обстоятельствах в конституционную...

Константин Морозов, член Совета Вольного исторического общества: И до и после революции 1905–1907 гг., и даже уже в

1914–1915 году, согласившись дать ответственное министерство¹ и заключив компромисс с тем же Прогрессивным блоком², власть вполне могла начать движение к конституционной монархии, перейдя от обещаний к реальным и решительным шагам. Ведь то, что император оказался в полной изоляции, не получал информацию на рубеже 1916–1917 гг., – это же не искусственная ситуация, созданная извне. Он же, продолжая цепляться за старую позицию в ситуации, когда это уже ведёт к гибели, – разругался со всеми. От него практически отказалось и ближайшее окружение. Это была фактически политика самоуничтожения власти. Полная изоляция, полное непонимание того, что происходит. Английский посол Бьюкенен говорил, что если бы ещё 27 февраля Николай II обратился со ступеней Казанского собора к солдатам, они бы стали кричать ему «ура». Они бы пошли за ним. Даже 27 февраля можно было сохранить власть. Но нужно было быть политиком. А царь не был политиком. Он был консервативным царем, который не видел новой реальности. Он хорошо бы, наверное, существовал веке в

семнадцатом. Но ещё лучше для него, как говорили современники, подходила бы роль богатого помещика, которому можно было бы жить в своё удовольствие и не нести ответственности за что-либо, тем более за страну. Это как раз проблема, о которой надо говорить в полный голос. Когда нужно было делать решительные разумные шаги, искать новые формы (например, конституционную монархию) с учётом новых реалий, в том числе и возникших буржуазии, рабочего класса и интеллигенции, была просто сделана ставка на силовое подавление, что и привело к взрыву. Эта мысль, на мой взгляд, очень важна.

Марк Шуб, член Творческого союза художников России: Извините, но это ситуация не такая очевидная. Одновременно с нашей и другие монархии – Австро-Венгерская и Германская – тоже пали, несмотря на то, что, казалось бы, они были более современными...

¹ Ответственное министерство (иногда использовался также термин «правительство народного доверия») – одно из основных требований либеральных общественных сил в начале XX века. Формально речь шла о подотчетности министров Думе, фактически – о прерогативе нескольких партий, в основном кадетской, не просто участвовать в исполнительной власти, но формировать кабинет министров. О том, могло ли согласие власти на ответственное министерство спасти ситуацию в России,

спорят до сих пор. Так, например, А.И. Солженицын в «Красном Колесе» сомневается в этом исходя из того, как быстро потеряли власть в феврале-апреле 1917 года те, кто до этого претендовал на главенство в предполагаемом «правительстве народного доверия» и получил власть в результате событий февраля 1917 года. – Ред.

² Прогрессивный блок (1915–1917) – объединение фракций кадетов, прогрессистов, октябристов и др. в IV Государственной думе (1912–1917) и Государственном совете.

История не знает сослагательного наклонения, но какие-то очевидные экстраполяции мы имеем право делать, потому что какие-то вещи уже были, а какие-то планировались, и они есть в виде утверждённых планов. Поэтому, я думаю, никто не будет спорить: если бы большевики не пришли к власти, всеобщая грамотность наступила бы ещё быстрее. Конечно, в сфере образования мы немного запаздывали по отношению к Европе, но, на мой взгляд, не настолько уж трагично. В начале XX века всё еще можно было исправить.

Марина Наумова, проректор СФИ по общим вопросам: Я хотела бы несколько расширить нашу дискуссию, не ограничивая её событиями 1917 года. Ранние славянофилы считали, что русский народ отказался от политической власти в пользу духовной свободы, более того, говорили, что русский народ – аполитичный народ. Для него важна внутренняя правда, а внешнюю правду он готов кому-то отдать, отказаться от власти в пользу чиновников, государства, настаивая на праве внутренней правды, свободы мысли и мнения, свободы собраться и решить всё миром, в согласии друг с другом. Поздние славянофилы, насколько мне известно, внесли в это мнение коррективы. Например, Николай Петрович Аксаков считал, что приглашение варягов – это самый настоящий государственный акт, потому что с ними был заключён договор: мы решаем вопросы миром, землёю, а вы нас защищайте и управляйте государством. Насколько такой подход подкреплён историческими примерами?

Константин Морозов: Мне кажется, нельзя делать как славянофилы – брать концепцию и «надевать её» на всю тысячелетнюю историю России. Вот вы

говорите о призвании варягов, но это один уровень политической культуры, это совсем другое общество, другой народ. Между ним и началом XX века не одна эпоха.

Кроме того, есть совершенно разные тенденции и традиции в русской жизни и русском обществе. Разве они однородны, чтобы их можно было подогнать под одну колодку? Когда мы всё время слышим, что «русский народ по натуре своей раб и привык к подчинению» – в какой степени это резкое и весьма категорическое утверждение справедливо? В какой степени оно соотносится с традициями вечевых республик Новгорода и Пскова? С казачьим и крестьянским самоуправлением, с общинным миром?

Если вы смотрите на крестьян центральных районов, где господствует в течение нескольких веков крепостное право – это одна картинка. Если вы смотрите на поморов – другая. На донских казаков – третья. На уральских и сибирских поселенцев – четвёртая. Смотрите на купечество – пятая. На раскольников – шестая, совсем уже другая картинка. Смотрите на российскую интеллигенцию рубежа XIX–XX вв. – тоже другая. Но большинство этих реалий совсем не соответствует тенденциозности вышеназванного утверждения, так в реальности мы видим нередко и вольнолюбие, и самоуправление, и неприятие рабства. То есть мы получаем весьма сложную картину, которая к тому же трансформируется и меняется,

в том числе потому, что меняется общество.

Нас, как мне кажется, подводит ещё и примитивная привычка мерить всё большими группами населения. А ведь роль пассивного большинства в обществе, даже в современном, сплошь и рядом минимальна. Роль же активных слоёв, скажем, того же журналистского сообщества, в котором лишь десятки тысяч человек, гораздо больше. Я бы предложил поменять фокусировку и рассматривать долговременные традиции, очень разные в русском народе, где явно есть и рабство, и так же явно есть и самоуправление, свобода и демократия!

Важно и то, что только в русском языке, в отличие от европейских языков, есть «правда» – истина и «правда» – справедливость.

Известный народнический писатель и публицист Н.К. Михайловский справедливо говорил: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово “правда”, я не могу не восхищаться его поразительной внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое».

А про свою задачу он говорил так: «Безбоязненно смотреть в глаза действительности и её отражению – правде-истине, правде объективной, и в то же время охранять и правду-справедливость,

Сельская школа. Начало XX в.

правду субъективную – такова задача всей моей жизни».

Вот эта связка «правда»- истина и «правда»- справедливость в русском менталитете и языке вовсе не пустяк, от которого часто отмахиваются!

Это связано с большими пластами политической культуры и менталитета, очень глубинными, кстати. И эта потребность в справедливости до сих пор в значительной степени сохраняется в русском народе, и мы видим, что она сейчас становится всё заметнее и заметнее, несмотря на усилия последних десятилетий доказать, что в человеческом обществе нет и не может быть справедливости!

Я бы смотрел на разные социальные группы и классы и в развитии, не мысля такими большими категориями, как, скажем, «революционное движение». Оно включало прямо противоположные тенденции, которые прямо боролись друг против друга в 1917 году. Лучшая часть революционеров пошла в антибольшевистское сопротивление, участвовала в борьбе вместе с Белым движением. Почему об этом забывают?

Алексей Наумов, президент Культурно-просветительского центра

«Преображение»: Я хотел бы именно в этом ключе продолжить разговор. Понятно, что мы больше говорим о конце XIX и начале XX века: так или иначе анализ столетия событий 1917 года продолжается. Но как раз интересно, мне кажется, поговорить не просто о неких схемах, пусть и имеющих основание.

Например, то, что народ не был вовремя просвещён – это тоже некая схема, в которой «низы» просто рассматриваются как «тёмные массы», которые в определённый момент истории должны были достигнуть своего момента «просвещения». Но были же, действительно, разные слои, разные традиции самоуправления; было то, на что можно опираться. И вот это интересно было бы проследить. И насколько я понимаю, те же эсеры пытались опираться в том числе и на эти традиции самоуправления. И идея Учредительного собрания не на пустом месте родилась, и земское движение. Во всём этом проявлялась активность людей, которые пытались организовать жизнь снизу так, как они её видят, отвечая за свою страну. Недаром, когда читаешь старые дореволюционные газеты, из многообразных материалов складывается впечатление одной семьи: есть измерение общности и измерение ответственности за то, что происходит, – которое потом, конечно, уходит.

Олег Щербачёв: К слову о статистике, говорящей о 80% неграмотного населения: динамика

в этой сфере была очень быстрой в начале XX века, и к 1917 году это уже совсем другая картина. Наше государство в конце XIX – начале XX века развивалось невероятными темпами, в том числе в области народного просвещения. 3–4-х классные школы были уже практически в каждом селе. И это шло именно с самого верха, это была правительственная программа. Проблема образования прекрасно осознавалась.

История не знает сослагательного наклонения, но какие-то очевидные экстраполяции мы имеем право делать, потому что какие-то вещи уже были, а какие-то планировались, и они есть в виде утверждённых планов. Поэтому, я думаю, никто не будет спорить: если бы большевики не пришли к власти, всеобщая грамотность наступила бы ещё быстрее. Конечно, в сфере образования мы немного запаздывали по отношению к Европе, но, на мой взгляд, не настолько уж трагично. В начале XX века всё ещё можно было исправить.

Константин Морозов: Мы имеем весьма сложную и противоречивую картину. С одной стороны, октябрьские события 1917 года привели к огромным бедам и проблемам, неизжитым отчасти и до сих пор. Рисунок событий достаточно маловероятен, трагических случайностей набирается огромное количество; безусловно, нам очень не повезло. К этому добавились объективные процессы, в том числе откладывание серьёзных преоб-

Я не могу точно назвать год, когда в сознании народа произошёл перелом в сторону массовых антицерковных настроений. Потому что мы знаем, что в 1917–1918 гг. возникает и обратное движение: интеллигенция возвращается в церковь. Отчасти то же происходило и с народом. Мы это видим хотя бы по многотысячному крестному ходу в защиту Александро-Невской лавры...

разований. Я соглашусь с Вами: дореволюционная Россия совершенно точно имела возможность пойти по пути конституционной монархии и начать динамично трансформироваться и меняться. Но, с другой стороны, и «путь Февраля» – путь политических свобод, самоуправления и демократии – это магистральный путь, по которому Россия добилась бы больших успехов, если не была бы стащена с этого пути большевиками и их союзниками.

Олег Щербачёв: Мы говорили о многообразии картины, но практически не затронули вопрос о власти в связи с духовным сословием. Хотелось бы, чтобы об этом сказал представитель духовенства.

Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства: Общая картина достаточно ясна. Всё-таки с Петровских времен церковь постепенно стала восприниматься народом прежде всего как учреждение. Это разрушало саму веру. И конечно, высшие иерархи к началу XX века уже давно потеряли всякое доверие к высшей светской власти. Открыто этого не говорили – это было невозможно. Но это было видно по делам, по частным раз-

говорам. А те слои, которые хотели оживления церкви, в первую очередь боролись с её зависимостью от государства, то есть фактически боролись с монархией.

В кризисе веры сыграло роль и то нагнетание антицерковных идей, которое происходило через интеллигенцию, чаще всего про-западную. Что говорить о разрушении монархии? Разрушались фундаментальные святыни, храмы и всё, что в них находилось. Были люди, готовые их защищать; но их было немного. Большевики уже к середине 1918 года в достаточной степени показали, что они готовы бескомпромиссно, безжалостно уничтожать и людей, и святыни. Эти процессы начались ещё до октября 1917 года, они проявляли себя уже и в 1905–1907 гг. и тем более после февраля 1917-го.

Конечно, эти вопросы недостаточно исследованы. Я, например, не могу точно назвать год, когда в сознании народа произошёл перелом в сторону массовых антицерковных настроений. Потому что мы знаем, что в 1917–1918 гг. возникает и обратное движение: интеллигенция возвращается в церковь – в православную церковь, которую она всячески поносила на протяжении длительного времени. И почти все более или менее приличные интеллигентные талантливые люди вернулись в церковь. Это факт очевидный, много раз отмеченный и в то время, и впоследствии. Отчасти то же происходило и с народом. Мы это видим хотя бы по тому многотысячному крестному ходу

в защиту Александро-Невской лавры, который собрался в начале 1918 года. Даже большевики тогда испугались; они не смогли закрыть Лавру и отобрать её имущество и сделали это почти через 20 лет, когда в стране уже не осталось камня на камне и от народа, и от церкви, и от чего бы то ни было. И поэтому я думаю, что общая картина здесь, конечно, ужасная, трагичная.

Что касается отношения церкви к земной, монаршей власти... Знаете, когда на Востоке появилось помазание на царство? С XIII века! А 1200 лет никаких помазаний не было. На Западе – да, там были отдельные случаи с VII века, а на Востоке не было ничего подобного. И это появилось только как реакция на захват Константинополя крестоносцами.

Идеей сакральности власти, конечно, злоупотребляли очень сильно. Вообще это очень серьёзный вопрос: что сакрально для церкви, а что, может быть, значительно, почтенно, даже духовно, но не сакрально? Сакральное – это всё-таки служащее Богу. И мы далеко не всегда видим, что монаршая власть служит Богу. Часто она служит каким-то своим интересам или по-своему понятным интересам народа. Думаю, что многие монархи подтвердили бы эту фразу. И в России и не только в России. Поэтому вопрос об отношении церкви и власти большой, серьёзный и, надо сказать, достаточно болезненный. Потому что на этом многое строилось и строится. **КФ**

Я и сегодня скажу: «Завтра Россия воспрянет»

Интервью с Сергеем Михайловичем Самыгиным

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Кирилл Мозгов

С.М. Самыгин, потомок князей Мещерских, вернувшийся в Россию 30 лет назад, выступает на конференции «Россия между прошлым и будущим». Культурно-просветительский центр «Преображение», ноябрь 2018 г.

Как возродить традицию, связанную с лучшими качествами русского народа? Здесь у каждого сословия было своё наследство, есть, чем гордиться, что хранить наследникам и дворян, и крестьян, и купцов, и священников.

Думаю, когда мы считаем, что это *разное* наследие, мы все ошибаемся. Если бы мы начали изучать жизнь имения, то увидели бы, как все жили вместе друг с другом, и у всех был один стержень. Не несколько стержней, а один: все жили под Господом нашим. Это первое, самое основное. Да, одни жили «в люксе», а другие в гораздо худших условиях, но отношения, обращение друг к другу было братским, а не хамским. И если мы хотим снова жить, как раньше, нам нужно вспомнить о том, что мы

не имеем права никого обижать, не имеем права хамить никому. Это основное в христианском отношении друг к другу.

Считается, что благородство – это исключительное качество дворянства. Это неправда. И купец, и мужик могли быть благородными людьми. Когда народ был един, когда он не был «завирусован» идеей социальной справедливости, все жили нормально. А когда запустили этот «вирус», всё пошло тут по-другому. И мы сегодня все болеем этим вирусом, не очень понимая, какой же справедливости ждём.

А сами Вы какие качества хотели бы воспитать, возродить в своих детях?

Моих дочерей я постарался воспитывать не «в духе дворянства», а в церковном духе, и для меня

это гораздо важнее, потому что в этом всё.

Основа жизни человека должна быть христианской. Без христианства ничего не будет. Когда я показываю фотографии, сделанные до революции, люди часто говорят: «Какие лица!». Лицо – это зеркало нашей души, оно показывает то, что в ней происходит, как мы живём. Что бы мы ни говорили, что бы мы ни делали, душа наша всё равно показывает на нашем лице, кто мы, что мы есть. Нужно одно: чтобы люди вернулись в церковь, к вере. Мы сегодня должны помнить о том, что если мы хотим жить хорошо, необходимо вернуться в храм, без этого нет жизни на нашей земле. Как мы сможем оставить хорошую память нашим детям, если будем злодеями?

А как возродить то, что во многом утрачено, – стремление к общинному устройению жизни, умение жить вместе, о котором Вы говорили?

Полгода назад мы отмечали 150-летие церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Нововасильевском¹ (это Лотошинский район Подмосковья). В строительстве этого храма участвовали князья Мещерские: они были дружны с семьёй первого настоятеля храма, о. Иоанна Архангельского. Храм был битком набит. Мы отпечатали 200 буклетов, которые раздавали всем, кто пришёл, и их не хватило. Мы не ожидали, что придёт столько народа. Это показало, что у людей есть потребность в той жизни, которая может начаться только с возрождением церкви, я убеждён в этом. Зерно горчичное может прорасти в душе у каждого из нас. Но если мы не будем строить храмы, не будем показывать своим примером, что возле храма есть активность, что можно что-то делать, всё будет бесполезно.

Если Россия хочет воспринять, должен быть духовный подъём. А если духовной стороны жизни нету, то что мы можем? Я смотрю на тот приход, в который я хожу. Мне сначала казалось, что там есть приходская жизнь. Она, вероятно, есть, но я привык к другой.

¹ За годы правления советской власти храм подвергся значительным разрушениям, обвалились своды трапезной части, до основания была разрушена колокольня. Сейчас в

А в Бельгии какой была жизнь в вашем приходе?

У нас не было воскресной школы, по окончании службы у нас даже чая не было (хотя во многих храмах бывало приходское чаепитие). Но когда мы выходили из храма, мы не разбегались, мы останавливались, разговаривали. Иногда целый час стояли и болтали на паперти на самые разные темы (один из нас был потомственным регентом, и поэтому мы часто, например, говорили о богослужении). Для меня это было настоящее общение. Мы жили вместе.

Отец Георгий Кочетков и небольшой круг его друзей рассказывают о том же: много лет назад, выходя из Елоховского собора, они так же чувствовали, что нельзя разойтись, беседовали, делились просфорочками. И вот из этого маленького кружка родилось за четыре с лишним десятилетия всё наше большое многотысячное братство.

Мы устраивали какие-то вечера в течение года, мы встречались. Я бы не сказал, что община нашего брюссельского храма была такой уж сплочённой, но мы друг друга знали и, если надо было помочь, помогали. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, у меня появилась машина, и если надо было что-то перевезти, я всегда это делал.

В городе были разные приходы: одни принадлежали Русской православной церкви за рубежом, в которой я состоял, другие – Московской Патриархии. И с прихожанами этих храмов мы тоже встречались. Между нами не было границ. Правда, в то время между нами не было евхаристического общения, но когда они, скажем, ставили театральные пьесы, они искали у нас в храме, кто может играть вместе с ними. Мы понимали, что какие-то политические моменты могут нас разъединять, но мы всё равно жили вместе. Это была одна община, разделённая разными приходами, у которых, как мы считали, всегда бывают какие-то свои «тараканы в голове».

храме продолжают масштабные реставрационные работы, начатые в 2017 году. В восстановленной центральной части регулярно проводятся богослужения.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Нововасильевском
(Лотошинский район Московской области)

А здесь мою мать (ныне уже покойную) как-то попросили выступить в приходе. Она прожила очень тяжёлую жизнь, но никогда не унывала и всегда говорила: «Я чувствую, что нахожусь у Господа Бога, в Его ладони». Это, говоря современным языком, высший пилотаж. И куда бы она ни приезжала, все смотрели на неё и говорили: «А по ней не скажешь, что прожила тяжёлую жизнь. Какая-то святая женщина». Я, как сын, видел и какие-то её проблемы, недостатки. Но и мне, и моим дочерям, своим внукам, она показала, как человек должен жить. И вот она на приходе рассказала о своей жизни – коротко, в течение часа. Я думал, что потом с ней будут разговаривать, переспрашивать. А с ней так никто и не общался.

Вчера на секции «Куда я вернусь?»² говорилось, что те, кто приезжает, может быть, не очень понимают, насколько здесь ситуация большая, насколько народ разъединён. И что это требует постоянных усилий...

Но я-то тридцать лет живу здесь. Да, мне нужны были сначала десять лет адаптации, как человеку, работающему на западную фирму. Потом я открыл свою фирму, мне нужно было начать всё с нуля... Я окупился в русскую жизнь.

Она, к сожалению, пока не столько русская, сколько постсоветская.

² Интервью было записано на конференции «Россия между прошлым и будущим: хранители и самородки» (ноябрь 2018 г.). На секции «Куда я вернусь» потомки эмигрантов (и ныне проживающие за границей, и в разные годы возвратившиеся

Но надо было окунуться в эту жизнь, чтобы понять: с кем можно работать, с кем нельзя. Ведь я приехал в розовых очках. Мне все до сих пор говорят: «Сними розовые очки». Но я и сегодня скажу: «Не хочу снимать розовые очки. Завтра Россия воспрянет. Завтра Россия будет жить хорошо, и всё будет хорошо, со всеми нашими проблемами, в том числе и житейскими. Да, мы все грешные. Значит, отлично не будет, но хорошо будет».

Ситуация 1917 года была дана нам потому, что мы были плохими. И мы должны сделать всё для того, чтобы мы – и эмиграция, и вы – могли каяться вместе, а не каждый в своей стороне. Белые тоже должны каяться, а не только красные. Многие наследники белой эмиграции так считают.

Владимир Рябушинский, советник по экономическим вопросам в правительстве Врангеля, незадолго до эвакуации из Крыма говорил так: «Да, мы тоже разбойники, как и те (красные. – *Ред.*), но только мы висим на правом кресте от Христа и можем раскаяться». Когда мы, живущие здесь (мы ведь тоже наследники и белых, и красных – мой прадед, например, помогал правительству Колчака, просто потом он всю жизнь это тщательно скрывал), говорили о Гражданской войне, это многих очень тронуло...

Я готов подписаться под его словами. **КФ**

в Россию), а также участники, всегда жившие в СССР и потом в РФ, обсуждали проблему возвращения тех, кто не по своей воле оказался вдали от Родины.

Братский помянник

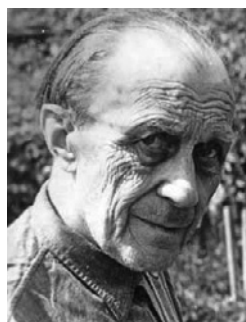
1 марта 1926 года (по другим источникам – в 1925 году, в заключении) отошёл ко Господу Андрей Иванович Фурсей.

Он был правой рукой Николая Николаевича Неплюева, основателя Крестовоздвиженского Трудового братства; преподавал в братской школе земледелие и одновременно управлял и ею, и имением братства.

В 1902 году он писал: «Братство представляет громадное благо, но только при одном условии – искреннего, бескорыстного и смиренного служения на созидание и укрепление взаимных чувств любви и уважения всех участников дела на почве единомыслия и единодушия. Только при единомыслии и единодушии в христианском смысле – возможно братство между людьми. В Братстве нельзя оставаться, не имея веры, не имея любви и смирения... Для верующего и любящего Братство – правда, для неверующего, не любящего – ложь».

7 марта отошёл ко Господу Сергей Иосифович Фудель (1900–1977).

Он много лет провёл в советских лагерях и ссылках.

Выйдя на свободу и поселившись на 101-м километре, он написал поразительные по глубине и силе веры тексты, посвящённые прежде всего Церкви. По мысли С.И. Фуделя, «призыв к подвигу есть призыв к личной Голгофе, через которую человек ведёт борьбу с темнотой внутри себя, а тем самым – и внутри Церкви. Это и есть великое дело Христово в мире, Его “великая мысль”, чтобы через бесчисленные Голгофы людей, через их жертвенную веру и любовь загорелось над миром вселенское Воскресение. В этом смысл жизни Церкви».

22 марта отошла ко Господу сестра из Александровского братства монахиня Евгения (Миллер) (1895–1979).

Основательница тайной

иноческой общины братства, жившей на Конной улице в Ленинграде, она пережила четыре ареста. Была приговорена к расстрелу, который в последний момент был отменён. После 1939 г. вместе с другими уцелевшими членами Александровского братства жила в общине архим. Гурия (Егорова) под Ташкентом. Помогала семье о. Павла Адельгейма, особенно в период его лагерного срока (нач. 1970-х гг.). Отец Павел вспоминал: «Мать Евгения была худенькая, маленького роста, но очень стройная. Сказать, что кроткая, нельзя. Она была бойцом, трудолюбивая и организованная. Распорядок дня был жёсткий: ни минуты в праздности. В пять утра вставала, обливалась холодной водой с головы до ног в любое время года. Вычитывала своё правило, прибиралась, готовила пищу и уходила в университет. Днём принимала посетителей, шла в храм. Ночью любила читать и всегда делала выписки своим каллиграфическим почерком».

23 марта отошёл ко Господу Николай Александрович Бердяев (1874–1948).

Труды этого гениального философа, не потеряв-

шие своей актуальности и сегодня, ещё не восприняты до конца, и наследие его пока так и не усвоено. Мы часто продолжаем забывать и самые простые вещи, о которых он напоминал: «Православие есть, прежде всего, не доктрина, не внешняя организация, не внешняя форма поведения, а духовная жизнь, духовный опыт и духовный путь. Во внутреннем духовном делании видит оно сущность христианства».

31 марта в нацистском лагере Равенсбрюк была казнена преподобномученица Мария (Скобцова) (1891–1945).

Она была создательницей благотворительного объединения «Православное дело», миссионером, богословом, церковным публицистом. До последних минут жизни в лагере она помогала соузницам помнить о Христе и не терять надежду. В одной из своих статей она писала: «Через сто лет будет существовать некий орден или братство, во всяком случае, некий подлинно живой организм, некая подлинная соборность, церковное тело, Тело Христово. <...> Это будет подлинное осуществление общего дела». **КФ**

Творец культуры

Священник Георгий Кочетков о Сергее Юрьевиче Юрском (16 марта 1935 – 8 февраля 2019)

Кончина Сергея Юрьевича Юрского – это большое и грустное событие. Он один из немногих людей, о ком можно сказать, что это целая эпоха. Я помню первый концерт, где-то в середине 1970-х, когда увидел его лицом к лицу. Он был ещё совсем не старый человек и запомнился мне тогда скорее как артист – просто хороший артист, который кому-то может нравиться больше или меньше. Да, я помнил его в «Золотом телёнке». Он там был как-то очень к месту в те позднесоветские годы. Я даже подумал тогда: вот ещё один талантливый человек, который вполне вписывается в социальный заказ.

С тех пор прошло немало времени – почти полвека. И для меня самое важное – то чудо, что совершает Господь Бог для человека ищущего, который неравнодушен к проблеме добра и зла, красоты и безобразия, к проблеме человеческих страстей – и пытается это творчески осмысливать. Всякий человек должен знать, что если он будет жить взыскательно, если он захочет обрести качество жизни, то он обязательно пройдёт по пути, который будет его очень сильно менять. Так и Сергей Юрьевич, который сперва показывал и позиционировал себя

именно как большой артист, потом стал обретать новые качества.

Я очень рад тому, что с начала 1990-х годов появилась возможность у меня лично, а потом и у всего нашего Свято-Филаретовского института и у всего Преображенского братства познакомиться с Сергеем Юрьевичем ближе. И вдруг выяснилось, что его дед был священник. Ему, видимо, это не всегда в молодости хотелось вспоминать, как это бывало с советскими людьми, особенно если они занимали какие-то значимые места, должности, какое-то серьёзное место в жизни. А тут он, вспомнив это своё преемство, почувствовал ответственность – и за народ, и за Россию, и за церковь, за духовную жизнь. Это стало важной частью его жизни. Перед первой исповедью он меня спросил: не будет ли лицедейство грехом. Я ему, естественно, сказал, в каких случаях будет, а в каких нет. Он это очень серьёзно воспринял.

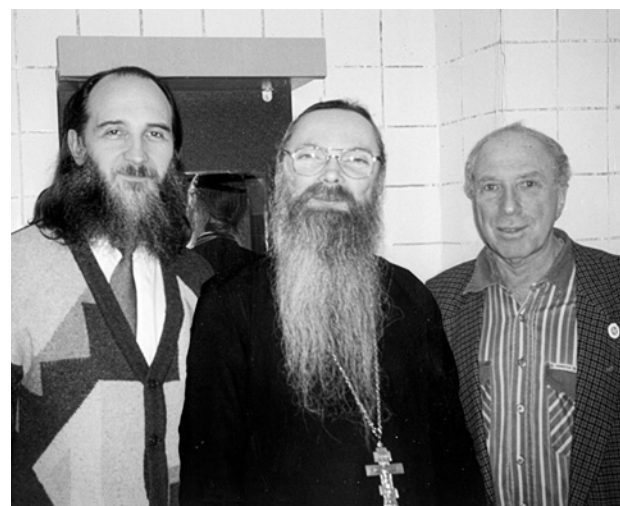
Его открытость и его доверие нам были очень важны. В какой-то момент он увлёкся церковной жизнью и даже довольно долго называл себя членом нашего Преображенского братства. Но всё-таки культура осталась на первом месте. Культура, правда, глубокая, серьёзная. Сергею Юрьевичу было трудно стать, скажем, религиозным философом или церковным деятелем. Он творец культуры. И в этом, безусловно, его большое значение для всех нас.

С 1996 года Сергей Юрьевич был членом попечительского совета Свято-Филаретовского института. В трудные для нас

времена, во время прямых гонений на Братство, он был одним из немногих, кто открыто поддерживал Институт и Братство в СМИ и помогал нам сохранить достойное имя, опровергая несправедливые обвинения.

Я думаю, что мы все будем вспоминать о нём – о том, что он говорил, что и как он делал. У каждого свой дар, свой огонь в сердце, каждому человеку Господь даёт что-то особенное. И за это надо благодарить Бога и того, кто этот дар принял. За это надо было бы благодарить и Сергея Юрьевича Юрского, ныне отошедшего ко Господу, как мы верим, обретшего нечто ещё большее в сравнении с тем, что ему удалось сделать во время земной жизни. Теперь мы вспоминаем его, молимся о нём и возглашаем ему вечную память!

КС

В трудные для Преображенского братства времена несправедливых прещений 1997–2000 гг.

Справа налево: С.Ю. Юрский, священник Георгий Кочетков, А.М. Копировский.
Фото Анатолия Мозгова

Жить вместе с Богом и человеком в современном мире¹

Из беседы на просветительской Открытой встрече.
На вопросы отвечает священник Георгий Кочетков

Фото: Александр Волков, Евгений Гурко

Отец Георгий, Вы наверняка знаете, что один из самых распространённых грехов — осуждение. Без сомнения, грех осуждения мешает нам жить в согласии и любви. Почему, как Вы думаете, этот грех столь распространён даже среди христиан и что с этим делать?

Осуждение — тяжёлый грех, но нужно чуть-чуть остановиться на том, что это вообще такое. Это просто негативная оценка действий какого-то человека? Вот я сказал: «Этот человек плохо сделал». Я его осудил или нет? (Голоса: «Нет». «Да».)

Нет, это ещё не значит, что я его осудил. Спасибо. Многие говорили: нет. Правильно, я с вами согласен. Я его осудил только в том случае, если сказал: «Этот человек плохо сделал, и я не буду делать ничего для того, чтобы он исправился, потому что это бесполезно. Он такой есть, таким и умрёт!» Вот *тогда* я его осудил, потому что это будет несправедливый суд. Нужно всегда стараться человеку помочь, нельзя ни в коем случае считать, что он уже погиб, нельзя говорить, что он безнадежен. А мы иногда это го-

ворим! Или не говорим, но думаем. Замечая, что вокруг нас творится неправда, мы часто ничего не делаем, потому что думаем, что нас никто не поймёт, что это бесполезно. Вот это — осуждение. И это серьёзный грех.

В каком возрасте с невоцерковлённым ребенком имеет смысл начинать всерьёз говорить о вере? С чего начинать? Что читать в восемь-десять лет? Как Вы относитесь к детским Библиям, нужны ли такие адаптации?

Тут целый каскад вопросов.

Скажу сразу, что к детским Библиям я отношусь не очень хорошо. Потому что они не просто упрощают, они делают то, чего нельзя делать со Священным Писанием: представляют его только моралистически. Получается лишь передача информации, не остаётся того, что доходит до сердца. Это может быть в чём-то бесполезно, но люди должны знать Писание пусть и отталкиваясь от буквы, но как можно больше сердцем своим — для того, чтобы не просто слушать, а слушаться.

Что же касается остальных Ваших вопросов... трудно говорить о ребенке или семье, если

не видишь конкретного человека. Всё-таки дети в наше время психологически очень разные. Вы говорите, что ребёнок невоцерковленный. А что это значит? Совсем нет веры? Или всё-таки какая-то есть, но «несобранная»?

В любом случае в восемь-десять лет, без всякого сомнения, *надо* говорить о вере. И даже раньше. Другое дело, *что* говорить и *как* говорить. Чем меньше ребёнок, тем больше он смотрит на пример. Он как бы отражает, фотографирует вас своим сердцем. И это в нём работает. Он может не знать и не понимать ваших умных слов, но он вас воспринимает по вашим действиям, по вашей мимике, по тем нюансам интонации, которые взрослый человек иногда уже не замечает. И это касается даже детей до года, младенцев. Учтите это. Мне кажется, родителям надо всегда помнить, что дети не сразу воспринимают слово, но буквально с младенчества воспринимают ваш образ, ваш дух. И вас понимают, хотя кажется, что они ничего не понимают.

Что читать? Я думаю, что до какого-то возраста надо не столько читать детям, сколько рассказывать, беседовать с ними.

¹ Продолжение. Первая часть беседы опубликована в «Кифе» № 1 (246)

На просветительской открытой встрече. Январь 2019 г.

Живая речь воспринимается совершенно по-другому. Даже если из Евангелия вы не прочтёте, а расскажете, например, какую-нибудь притчу, но только не искажая содержания, это будет очень хорошо.

Что такое слепое доверие к людям? И когда нельзя доверять?

Всё, что слепо, не очень хорошо. Сказано в Писании: «Не будьте детьми умом». Почему? Потому что дети иногда проявляют такое – слепое – доверие. Кто-то поманил конфеткой, они и бегут. А что хочет сказать или сделать с ними тот, кто поманил, не думают...

Доверие должно быть, но оно должно быть не слепым, а мудрым. Да, можно в каком-то смысле доверять даже тем, кто ничего хорошего тебе не сделал и не собирается делать. Это правда. Это даже очень полезно, но тем более такое доверие не должно быть слепым. Потому что иначе можно так «нарваться», или других подвести, чего не приведи Господь! Мы отвечаем за то, что мы делаем, в том числе за свою веру и за свое доверие – и перед Богом, и перед другими людьми, и перед собой. Поэтому нельзя доверять тогда, когда человек лукавит, когда он сознательно

идёт на зло или готов это делать. В таком случае и закрыться не грех. Нельзя быть всё время по отношению ко всем подряд открытыми.

Надо стараться иметь в себе априори доброе отношение к человеку, «презумпцию доверия» – как есть презумпция невиновности. Но надо смотреть, какую реакцию это вызывает. Разум отключать никогда не надо.

Как вести себя в любви и свободе, если люди, относящиеся себя к другому вероисповеданию, ведут себя агрессивно? Например, позволяют себе похабные высказывания в адрес женщин и девушек славянской внешности, развязно ведут себя в транспорте, кричат «Аллах акбар!» не как молитвенное обращение, а с вызовом и злобой? Как в таких случаях, когда нет никаких сил терпеть то, что видишь, вести себя как христианке – красиво и правильно?

Здесь есть разные возможности. Это зависит от Вас, от Вашей внутренней силы, от духовной зрелости. Вы можете поменять те ситуации, которые Вы описывали, или подобные им, своей внутренней молитвой, своим добрым словом. Иногда достаточно просто подойти и сказать людям:

«Не позорьте свою веру» (к слову, это порой касается не только мусульман). Иногда это очень хорошо работает. Правда, бывает, что и не работает. А иногда нужно вызывать полицию, и даже это будет лучшим выходом из положения, если может пролиться кровь или произойти что-нибудь подобное. А что делать?

Надо «смотреть по ситуации» и поступать взвешенно. Но в первую очередь сами не будьте равнодушны. Самое плохое, когда люди из страха просто пробегают мимо и никому не готовы помочь.

Как понять, что идёшь по пути, predetermined Богом для тебя?

На подобный вопрос есть всегда один, но очень хороший ответ: по духу и по плодам. Как понять, идёшь ты по Божьему пути или не по Божьему? Только по духу или по плодам. А лучше – вместе, и по тому, и по другому. Это универсальный ответ. Вы прекрасно понимаете, что за ним следуют другие вопросы: «Что значит судить по духу? Что значит судить по плодам? Как одно с другим соотносится?» И так далее. Можно ещё час об этом говорить. Но главное сказано именно в этой краткой формуле.

Если я сказал: «Этот человек плохо сделал, и я не буду делать ничего для того, чтобы он исправился, потому что это бесполезно. Он такой есть, таким и умрёт!», вот тогда я его осудил, потому что это будет несправедливый суд. Нужно всегда стараться человеку помочь, нельзя ни в коем случае считать, что он уже погиб, нельзя говорить, что он безнадежен.

Записка:

«Если Бог милостив, старается всем помочь и жалеет людей, то почему часто невинные дети страдают от неизлечимых болезней? Это несправедливо!»

К сожалению, начало и конец записки не очень логически связаны. Здесь есть разрыв. Кто Вам сказал, что Бог не помогает больным людям? Проверьте, спросите тяжело болящих людей, помогает им Бог или не помогает. Мне много приходилось и самому лежать в больницах, и приходить в больницы, в том числе в реанимацию. И я Вам скажу: Бог *очень* помогает.

Более того, иногда, и даже нередко, люди обретают веру, попадая в тяжелые ситуации. Два пути прихода к Богу – это или от серьезных глубоких бед и страданий, или от радости. Есть люди очень радостные по своей натуре и, главное, очень благодарные. И если их радость от благодарности и от видения доброты и красоты в этом мире (которой, может быть, часто не хватает, но она всё-таки есть), то такой человек – первый кандидат на то, чтобы стать настоящим верующим человеком. Хуже всего равнодушному, тепло-хладному человеку. Вот где беда... А многие приходят от страдания.

Но главное – Бог действительно помогает людям. Я видел много, много чудес. Часто думают, что чудеса происходили лишь где-то в древности. Нет! Они

постоянно происходят в наше время. И не потому, что мы такие хорошие, а потому что Бог – тот же.

Записка:

«Если в одной семье живут двое, один из которых живёт активной духовной жизнью, например, в вашем братстве, а второй довольно далёк от жизни духовной (церковной), в такой семье могут быть сложности. Вопрос: вы одобряете, если члены вашего братства декларируют наивысший приоритет своей духовной жизни в ущерб другим составляющим и задачам семейной жизни?»

Здесь так пафосно сказано про «другие составляющие и задачи семейной жизни»... Знаете, я одобряю только одно: когда люди приближаются к Богу. Лучше вместе, лучше по любви. Это самое хорошее, если они именно так хотят жить – даже если что-то не получается. В нормальном случае не должно быть противоречий. Да, чем лучше, тем лучше. Кто же спорит? Но если между людьми есть любовь – настоящая любовь, есть взаимное уважение, то, я думаю, даже верующий и неверующий могут жить вместе, в семье. Это всегда сложный случай, но опасность непонимания друг друга есть всегда.

Проблема в том, что почему-то в наше время агрессивно ведёт себя именно «неверующая сторо-

на». И с этим мне, к сожалению, часто приходится сталкиваться: приходят люди и рассказывают об этом. Неверующий супруг требует только того, что ему нравится, и если верующий супруг пошел в храм на молитву, или на какую-то встречу, или помочь кому-то, например, посидеть с больным или с маленьким ребёнком, кого-то освободить, сразу начинаются претензии: «Почему ты оставляешь дом? Почему не занимаешься непрерывно домашними делами?»

Я в таких случаях всегда рассказываю о том, что меня поразило в некоторых итальянских католических движениях. В частности, в братстве святого Эгидия, которое в разных странах ведёт колоссальную благотворительную работу мирового значения. Когда я в Риме жил у некоторых из членов этого движения дома в гостях, на меня большое впечатление произвело одно: они приходили с работы, на которой целый день трудились, быстро что-то ели дома или в кафе, что-то делали по дому и вечером, часов в девять, шли помогать мигрантам, беженцам – из Молдавии, с Украины, из Северной Африки и т. д. И никогда, в каком бы доме я ни был, ни разу я не услышал в адрес тех, кто уходит, никакого упрека. Ни разу! Никто не сказал: «Ты пошёл помогать другим людям? Нет! Ты посиди со мной и с ребенком, потому что я не хочу сидеть одна!» Я подумал:

Отказывая другим людям в возможности измениться, мы впадаем в грех осуждения...

«Да, между ними и нами большая разница». Увы, здесь мы, конечно, хороший пример не показываем. У нас сплошь и рядом начинаются обиды, претензии, даже скандалы. Иногда дело доходит до развода: «Если пойдёшь заниматься церковными делами, больше не приходи!» Буквально так! Вы, может быть, не верите? Хотя, вижу, верите...

Нужно ли ради жизни с Богом (в церкви) оставить все светские ценности (карьера, семья, быт, материальное богатство)? И если нужно, то как?

В вашем вопросе скрыто присутствует жёсткое разделение жизни на две сферы. Самое трудное, самое плохое здесь именно этот раскол между вашей духовной христианской жизнью – и вашей карьерой, работой, семьёй, здоровьем, отдыхом...

Эта нецелостность жизни – вещь плохая. Её надо преодолевать. Нужно совершенно сознательно поставить перед собой задачу преодолеть этот раскол и воцерковить и вашу профессиональную деятельность, и семейную жизнь, и заботу о здоровье и культуре... Всё, что прямо в церковную жизнь, к сожалению, в современном понимании не входит. У нас почему-то часто церковную жизнь, жизнь с Богом воспринимают только как храм, молитву – т. е. только как религиозную её часть. Молитва, пост, храм, чтение Писания и творений святых отцов – вот христиан-

ство. Но это только малая часть нашей христианской жизни! В неё входят *все* сферы нашей жизни, они также должны быть воцерковлены. Это трудно делать в наше время, но вполне возможно. Постарайтесь.

Я хотела бы задать ещё вопрос об осуждении в той интерпретации, которую я сейчас услышала. В моём близком кругу есть знакомые, подруги, с которыми я не могу говорить о Боге, хотя мне это очень интересно и важно. И я для себя всегда считала, что я таким образом принимаю этих людей такими, какие они есть; я найду других людей, с кем смогу поговорить о вере и Церкви. Но получается, что я осудила своих подруг, т. е. вынесла приговор, что им не дана эта тема. Да? Но если я буду говорить с ними, я буду для них неудобной. Получится, что я не уважаю их мнение: я знаю, что им это неинтересно, не нужно, и лезу к ним с этим...

Спасибо! Это тонкий вопрос. Я иногда в общении с такими людьми на свой страх и риск им говорю: «У кого чего болит, тот о том и говорит!» И тогда уже говорю о Боге.

Знаете, если для вас это важная тема, говорите независимо от того, поймут вас люди или не поймут, примут или не примут. Другое дело, что это нужно делать тактично, тонко,

не навязывая, чтобы людям это было интересно. Говорить на духовные темы вообще всегда очень интересно, но нужно знать, что говоришь. Здесь есть свои нюансы, но это может любой. Для этого совсем не обязательно быть священником, монахом, епископом... Хорошо, когда так умеют говорить священники, монахи, епископы, но иногда и они не умеют. Что же делать? Ничего страшного. Всё постепенно делается в жизни. Поэтому вы учитесь, вы смотрите на реакцию, вы ищите темы из духовной жизни, которые вашим собеседникам интересны. Как можно с детьми говорить, так можно и со взрослыми говорить. Потому, что на самом деле глубокие духовные вопросы интересуют всех – абсолютно всех. Я не встречал людей, которые совсем к ним равнодушны, которым вообще ничего не надо. Иногда это просто реакция на то, что когда-то был неудачный опыт таких бесед или они читали какую-нибудь не очень хорошую литературу. Так что вы не бойтесь. Но если вы видите, что сейчас человек не расположен, ну совсем не расположен, то, конечно, навязывать такой разговор не надо. И всё же помните: «У кого чего болит, тот о том и говорит!» У меня вот сегодня болит «как жить вместе с Богом и человеком в наше время», вот я вам и говорю об этом. Надеюсь, у вас тоже есть к этому интерес. **КФ**

О перспективах общинной жизни в «России сегодня»

Фрагмент пресс-конференции, посвящённой
10-летию интронизации Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла.
Пресс-центр МИА «Россия сегодня». 28 января 2019 г.

Александра Колымагина (газета «Кифа»): Мне хотелось бы вспомнить, что три года назад к 7-летию интронизации Святейшего патриарха наша газета опубликовала статью, где были выделены семь главных положительных потенциалов, направлений развития, которые связаны с его патриаршеством. И мне приятно, что в Вашем докладе, о. Александр, где Вы перечисляли главные итоги 10-летия, было много совпадений с тем нашим выбором. Но мне хотелось бы вспомнить ещё одно направление, которое мы тогда отмечали: это общинное строительство, которому патриарх придаёт большое значение.

В частности, в одном из своих выступлений он говорил: «на приходах должна быть правильно поставлена работа по приобщению к общине тех, кто только-только входит в храм; для этого мы сейчас располагаем двумя важными инструментами: во-первых, это предкрещальная катехизация, а во-вторых, так называемое приходское консультирование».

Скажите, что сейчас предпринимается для того, чтобы между теми людьми, которые наполняют новые храмы, в том числе и ваш храм в Солнцево, возникали живые церковные связи?

Священник Александр Волков, пресс-секретарь Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла: Действительно, это важнейший вопрос – существование церкви как общины. И надо сказать, патриарх как пастырь, как священнослужитель очень глубоко чувствует необходимость живого развития внутри общин. По его убеждению, которое сформировалось за десятилетия его пастырского служения, Церковь как огромный, гигантский организм, о котором мы сейчас говорим, состоящая из миллионов членов, на самом деле в итоге как бы сужается или фокусируется на каждой конкретной общине, на каждом конкретном приходе. Русская православная церковь не состоит из миллионов людей, из каких-то других цифровых показателей, она состоит из этих маленьких сот.

И здесь, конечно же, ключевая задача иерархии церкви, епископата, духовенства – устройство каждой конкретной общины. Невозможно было бы здесь что-то сделать, если бы не было какой-то общей модели, если было бы предложено каждому священнику просто решать, что делать дальше, самому искать те модели, которые он считает для себя правильными и полезными. Каждый священник в достаточной

степени свободен в развитии своей общины, в её внутреннем обустройстве, но, конечно, патриарх предлагает и определяет некоторый «каркас» для этого внутрицерковного действия.

Вступление новых членов в Церковь теперь связано с очень серьёзной подготовкой. Такого не было раньше. 1990-е годы характеризовались повальным приходом людей к Таинству крещения, люди шли тысячами и тысячами (второе крещение Руси, так это называли раньше). Всё это было, несомненно, важно для того периода, но сейчас, как я уже говорил, мы живём в другой период, когда нужно обращаться к каждому человеку точно и очень детально, очень конкретно.

Церковь впускает в себя людей после прохождения серьёзного испытания, после подготовки человека. По мысли, которую сформулировал и Поместный собор, и последовавший Архиерейский собор, и Межсоборное присутствие, церковь очень серьёзно спрашивает нового своего члена: «Хочешь ли ты быть православным христианином?» и объясняет ему, какие нравственные, моральные, этические обязательства будут наложены на человека, что изменится в его реальной жизни (а изменится почти всё), если он станет православным, если он примет выбор и придёт к таинству Крещения.

Перед этим таинством всегда теперь происходит обязательная предкрещальная подготовка (в разных храмах по-разному, от двух до двенадцати бесед), в которых священник или специалист из прихода подготавливает людей к Таинству крещения (то же происходит, когда люди становятся крёстными и несут духовную ответственность за младенца). Это серьёзный, если хотите, смысловой барьер.

Теперь невозможно, чтобы человек просто пришёл в храм, сказал: «Я хочу креститься», и на этот же день священник его покрестил. Так было раньше; сейчас это сделать невозможно. Церковь даёт человеку возможность выбора, возможность подумать над тем, нужно ли ему то, что он собирается делать. И если он отвечает положительно, она готовит его к этому Таинству. Церковь раньше обвиняли в том, что она крестит кого попало, и люди идут в церковь без разбора: «крестился, но не воцерковился», «крестился, но не просветился». Вот просвещением и воцерковлением церковь и занимается на этапе вхождения человека внутрь неё. И это даёт очень существенные, качественные изменения, и люди внутри Церкви становятся более осознанными.

И в отношении миссии, конечно, то же самое. Внутриприходская миссия и миссия церкви по отношению к людям внешним тоже является по указанию патриарха настоящей, ключевой составляющей жизни каждого прихода, каждой общины. Внутри

себя каждая община начинает формировать круг людей, которые могут доносить слово веры до других. Раньше такого не было. Были священники, которые в силу своих обязательств и обязанностей и просто своего предназначения шли и проповедовали Слово Божье, но вот чтобы рядом со священником в одной общине оказывались бы люди, которые и на смысловом, и на системном, и на административном, и на финансовом уровнях отвечали бы за миссию, за катехизацию, за проповедь слова Божия, такого раньше не было никогда. И это тоже появилось при патриархе Кирилле. Теперь у каждого священника в приходе есть ядро, на которое он опирается, по большей части из людей молодых, но не только, людей, которые знают, как говорить, знают, что делать, знают, как работать в интернете, знают, как работать в социальных сетях. Не всегда всё происходит хорошо, своих часто ругают, что они ещё не до конца умеют делать, но главное, что есть правильная тенденция, правильное направление деятельности в каждом приходе.

Я хочу привести краткий пример. В дни празднования Богоявления в наш храм в Солнцево приходили, наверное, около 10 000 человек, чтобы набрать святую воду (то же происходит во всех больших жилых массивах). И конечно, священники и наши миссионеры, наши катехизаторы, наша молодёжь работали каждый день с утра до вечера: они раздали стопки листовок, беседовали, просвещали, приглашали людей в храм. Ребята, которые работали в очереди, говорят, что очень заметно: за 3–4 года люди в очереди поменялись качественно в плане понимания того, зачем они сюда пришли. Если раньше 95% этих людей были «водоносами», как мы их с любовью, но с сожалением называем (потому что часто люди приходили в храм за крещенской водой, а перед Пасхой освящать куличи, крашеные яйца – и всё, и это происходило из года в год), то теперь таких людей становится всё меньше, всё больше людей приходят потом в храм, и у тех, кто стоит в очереди, гораздо больше осмысленности в глазах, понимания. Многие отказываются от листовок, говорят: «Нет, спасибо, нам на таком простом уровне больше объяснять не надо, мы пойдём лучше на встречу со священником, мы пойдём лучше на лекции, которые вы в рамках прихода предлагаете». Очень много таких людей по сравнению с тем, что было раньше.

Да, у нас ещё много людей, не просвещённых до конца, но их процент уменьшается. Это тоже очень важная составляющая деятельности церкви в рамках общин, потому что община – это не замкнутая система. Она ответственна за тех людей, которые находятся рядом и ещё не пришли к Церкви, не пришли ко Христу. Это именно то, на чём настаивает Святейший патриарх Кирилл.

Во многих местах составляются списки прихожан (ранее полных списков часто не было) для того, чтобы успешнее в будущем защищать права своей общины. Церковь, оказавшись в ситуации, когда она отнюдь не может опираться на поддержку своего государства, конечно, внутренне консолидируется, и общинная жизнь в ней укрепляется.

Фрагмент круглого стола, посвящённого нарушению прав верующих на Украине.
Пресс-центр МИА «Россия сегодня». 24 января 2019 г.

Александра Колымагина (газета «КиФА»): Мы много говорили сегодня о политических аспектах нарушения прав верующих на Украине, но есть ещё и церковный аспект этой проблемы. На мой взгляд, возрождение общинного устройства в церкви может помочь противостоять давлению государства, как это было во времена советских гонений, когда значительную роль в сохранении церкви сыграли православные братства, в первую очередь петроградские. Как Вам кажется, усиливается ли сейчас в Украинской православной церкви стремление к тому, чтобы ощутить общую ответственность всех верующих за то, что происходит, чтобы священники чувствовали постоянную поддержку своих прихожан, а архиереи постоянную поддержку своих епархий?

Протоиерей Николай Балашов, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата: На самом деле именно это и происходит сейчас на Украине. Мы видим, что нарастание внешних гонений приводит к консолидации Украинской православной церкви. Несмотря на усиленные меры, принимавшиеся государственной властью, из 90 епископов только двое согласились участвовать в мероприятиях, на которые их сгонял «Объединительный собор». Мы видим, что общины действительно внутренне консолидируются, во многих местах составляются списки прихожан (ранее полных списков часто не было) для того, чтобы успешнее в будущем защищать права своей

общины, возможно, в судебных процессах в связи с попытками отнять храмы. И Церковь, оказавшись в ситуации, когда она отнюдь не может опираться на поддержку своего государства, конечно, внутренне консолидируется, и общинная жизнь в ней укрепляется. Это именно то, что мы наблюдаем на протяжении последних пяти лет, когда Украинская православная церковь осуществляет своё служение в новых и трудных условиях.

Я только хотел бы сказать, что, несмотря на то, что на наших братьев на Украине мы сейчас смотрим как на исповедников, восхищаемся их стойкостью, любим тем, как они хранят единство своей церкви, радуемся тому, что при многолетнем административном, информационном противостоянии им сил государства (ведь это не только события последнего года, на самом деле начиная с 2014 года мы видим постоянно нарастающее и нарастающее давление на церковь) они только крепчают, при всём этом нам надо думать о том, как мы можем протянуть им руку, как мы можем помочь им в этом противостоянии. И для нас, поверьте, крайне дорого то, что не только православные люди в России, но и последователи других религиозных течений и конфессий думают о том же, и тоже хотят поддержать наших братьев, которые сейчас являются первым объектом атаки со стороны государства, которое хочет переформатировать по своему политическому выбору жизнь религиозных общин своей страны. Пока ещё последствия этих законодательных инноваций и осуществляемое государством вмешательство в меньшей степени затронуло жизнь других религиозных общин Украины, хотя лидеры многих из них справедливо заметили, что будут и следующие объекты такого государственного вмешательства, давления и преследования.

Спасибо за вопрос. **КФ**

Мы – православное братство, а не просто общество трезвости

Братству «Трезвение» исполнилось 15 лет

Текст: сопредседатели братства «Трезвение» Мария Зиатинова и Александр Копировский. Фото: Олег Свечников и др.

Члены братства «Трезвение» после праздничной утрени 1 января 2019 г.

Наше православное Братство «Трезвение» было создано в 2004 году, на праздник Сретения Господня. Его членами стали члены Содружества малых православных братств из Москвы и других городов. Объединило нас общее устремление к трезвенной жизни, поскольку сердце постоянно откликалось на проблему алкоголизма среди родных и близких. А ещё объединила решимость служить общецерковному делу просвещения, чтобы через освобождение людей

от разного рода зависимостей: алкоголя, табака, психоактивных веществ и др. – помогать народу Божьему.

Основатель и духовный попечитель братства свящ. Георгий Кочетков благословил нас на принятие обетов трезвения, и мы начали молитвенно и соборно готовиться к ним, понимая, что искушения не замедлят. Символом нашего братства стал св. Георгий, поражающий змия, девизом – слова из Писания: «Наша брань не против крови и пло-

Вслед за выдающимся ученым и церковным деятелем С.А. Рачинским мы верим в то, что решать проблемы алкоголизма надо прежде всего созданием животворящей церковной среды, где каждый человек общается с другим через Христа – Победителя смерти, а значит, и Победителя любой из форм зависимости и созависимости.

ти, но... против духов злобы поднебесных» (Еф 6:10–12). Тем самым мы подчеркиваем, что боремся с духами злобы, господствующими в сем мире, а не с химически зависимыми людьми. Сокращённое название братства – «БТр» – пришлось здесь очень кстати, хотя этот военный акцент получился у нас совсем не намеренно.

Один раз в месяц мы собираемся на общую встречу, а те, кто живёт далеко, присутствуют по скайпу, но хотя бы раз-два в год стараются побывать на встречах лично. Встреча всегда начинается с утрени. Но мы и еженедельно молимся о братстве «Трезвение» и о нас самих как его членах – ради сохранения трезвенности. Молимся всем братством и в праздник Усекновения главы св. Иоанна Предтечи 11 сентября, ведь по инициативе нашей Русской православной церкви он объявлен в России днём трезвости. А 1 января, в день св. мученика Вонифатия, собираемся на общую трапезу, тем самым трезво и трезвенно отмечая Новый год, и Господь всегда даёт в этот день хорошее настроение.

Мы понимаем, что освободить от зависимости (созависимости) принуждением невозможно, тем более нельзя это делать запугиванием или психологическим давлением. Мы стремимся к постижению опыта святых отцов, взятому из сокровищницы Св. Предания и наиболее нам полезных. Делаем это через доклады по темам трезвения, встречи с людьми, идущими в нашей церкви таким же путем, через знакомство с обществами и братствами трезвости прошлых веков и нашего времени. Так мы и собираем опыт, и сами становимся опытнее.

Например, оставил в нас глубокий след доклад Олега Свечникова на тему «Обида как один из признаков созависимости». Собранный материал удачно лёг на личный опыт и вызвал множество вопросов: о расслабленности как почве для обиды, о духе критиканства, о признаках обиды – замкнутости, закрытости, сосредоточенности на своём; о слабости обижаемого, о чём писал ещё свт. Иоанн Златоуст, и т. д. Не случайно Н.А. Бердяев называл обиду «ободренным самолюбием». Ситуация

обиды требует от нас действенного покаяния, ведь превалирование душевного над духовным мешает действию в нас Святого Духа, мешает действовать в нас тем авансам любви, которые мы могли бы дать зависимому. Как сказала одна сестра, чем строже относишься к себе, тем меньше замечаешь, что тебя обижают. В том докладе было много находок, например: человек обижается и обижает потому, что у него внутри болит, а сделай обидчику что-то хорошее – придёт прощение и лёгкость.

Таких докладов за пятнадцать лет существования братства собралось много, и мы за них благодарим Бога. Найденным опытом мы делимся на нашем сайте nepsis.ru (от греч. «νεψις» – деятельное очищение души от страстей, или духовное делание). Смотрят его пользователи из стран ближнего и даже дальнего Зарубежья.

Всё же мы – православное братство, а не общество трезвости или аскетический кружок. Каждый приходит сюда из своего малого православного братства, где жизнь и служение идёт как основное, а в БТр – по принципу дополнительности. Да, мы растём количественно, выросли больше чем втрое по сравнению с 2004 годом (в братстве 110 человек). Но главное – то, что обеты трезвения в Преображенском братстве за это время приняли многие сотни его членов.

Поэтому мы стремимся помочь членам братства «Трезвение», впавшим в зависимость или созависимость, обрести трезвость через трезвение и молитвенно помнить об их родственниках, близких и друзьях.

Мы считаем важным поддерживать трезвенный образ жизни. Для нас важно и созидание трезвенной и трезвой среды, и свидетельство всем, кого посылает Господь, личным опытом жизни в Боге и Церкви. Мы стремимся собирать и изучать опыт трезвения и трезвости не только в православной церкви, но и в других христианских конфессиях, в обществе.

Чтобы общаться лицом к лицу, братство разделилось на группы («малые БТры»). Мы встречаемся

Группы братства есть в разных городах России – Архангельске, Воронеже, Коломне

в группах, помимо общего собрания, ещё один раз в месяц; участвуем в трезвеннической просветительской деятельности (сайт, газета, брошюры и др.); общаемся и сотрудничаем с организациями, имеющими сходные цели, задачи и деятельность, поси́льно принимаем участие в трезвеннических мероприятиях, проводимых Русской православной церковью, и др. Была встреча с епископом Орехово-Зуевским Пантелеимоном (Шатовым), возглавляющим Синодальный отдел Патриархии по церковной благотворительности и социальному служению, и с его помощником В.К. Доронкиным, руководителем Координационного центра по утверждению трезвости и противодействию алкоголизму. Были у нас встречи с прихожанами из разных городов, имеющих свой опыт трезвения, в том числе и несения обета трезвения, а также с протоиереем Игорем Бачининым, председателем Всероссийского братства «Трезвение», с молодёжью из нашего Содружества. Среди других наших дел – участие в научных конференциях в Иваново, посвящённых теме алкоголизма и противостояния ему, в жизни и трудах летнего общецерковного лагеря трезвенников на озере Увильды Челябинской области; выпуск нескольких брошюр (последняя – «Трезвенное отношение к зависимому человеку») и газеты «Трезвение», встреча с Е.Н. Проценко, психологом, председателем правления и директором реабилитационных программ фонда «Старый Свет», взгляд которого на зависимость и созависимость оказался нам очень полезным, и т. д. Мы имеем давние духовные связи с приходом Свято-Петропавловского храма в г. Ясиноватая Донецкой области, который является центром деятельности Донбасского общества «Трезвение» (настоятель – протоиерей Виталий Бакун), и периодически помогаем им продуктами или деньгами. Господь дал нам и опыт оглашения группы зависимых людей из Дома Трудолюбия «Ной», где воцерковились десять человек.

Несколько раз мы участвовали в заседаниях секций по трезвости общецерковных Рождественских чтений. На них состоялась презентация нашей

выставки «Общества трезвости середины XIX – начала XX веков: опыт прошлого – ради будущего». Высокую оценку выставке дал епископ Глазовский и Игринский Виктор, член совета трезвеннических братств, сам ведущий трезвенный образ жизни. Выставка побывала в разных городах нашей страны: в Москве, Санкт-Петербурге, Глазове, Иваново, Воронеже, Твери, Чебоксарах.

Мы решили отвечать перед своей совестью, перед Богом и братьями за любое праздное слово об алкоголе и табаке, не говоря уже об их употреблении или распространении в любой форме.

Сами же обеты трезвения по своему содержанию намного шире, чем обет трезвости. Это полный отказ от алкоголя, табака, наркотиков; двухразовое питание (с учётом состояния здоровья), без перекусов, без питья до и после еды; знание наизусть анафоры литургии свт. Иоанна Златоуста, что помогает глубже входить в богослужение, лучше участвовать в нём; чтение 100 Иисусовых молитв в день.

Когда на первой – организационной – встрече братства говорилось о необходимости принятия обетов, было страшновато – вдруг не выдержим? Ведь давно сложилась привычка пить кофе по утрам. Или – бокал шампанского в новогоднюю ночь... Через год тех, кто принимал обеты, было всего 27. Очень помогло всем общение по группам, в которых легче раскрыться, проще делиться личными проблемами и выходить на болевые моменты, которые подкидывает жизнь.

Сейчас нам пятнадцать – для современной стремительной жизни это немалый срок. Но в то же время мы лишь в начале пути. Вслед за выдающимся учёным и церковным деятелем С.А. Рачинским мы верим в то, что решать проблемы алкоголизма надо прежде всего созиданием животворящей церковной среды, где каждый человек общается с другим через Христа – Победителя смерти, а значит, и Победителя любой из форм зависимости и созависимости.

Мы надеемся на то, что и наш маленький опыт сможет в свою меру послужить общей цели – духовному возрождению церкви и страны. **КС**

Яркий мак посреди зеленеющего поля

Памяти Татьяны Дерюгиной-Варшавской (родилась 23 августа 1923, скончалась 9 января 2019, похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа)

Жорж Нива. Перевод с французского Елены Касаткиной. Фотография из фондов Дома русского зарубежья

Владимир и Татьяна Варшавские

От Татьяны Дерюгиной-Варшавской осталась аура радости и бесшабашной весёлости. Слушатели рассказов этой пожилой 96-летней дамы говорили себе, что она, должно быть, вскружила голову не одному воздыхателю. Так и было в 1941 году в Берлине, когда она заканчивала учёбу в одной из русских школ города. Её семья была семьёй высшей аристократии, отец хорошо знал царя Николая II, мать происходила из старинной дворянской семьи, рассказывала Татьяна Георгиевна. Это была типичная русская аристократическая семья эмигрантов: едва сводя концы с концами, они никогда не жаловались, прекрасно говорили по-немецки и по-русски. В школе, где училась Татьяна, половина учеников были евреями, для них наступало тяжёлое время. Директор принимал представителей гестапо, требовавших изгнания из школы учениц-евреек. А Татьяна приглашала их на Пасху, они вместе ели куличи, приготовленные матерью.

Татьяна была младшей из четверых детей, три брата родились в

России и помнили семейное гнездо в Псковской губернии; она знала об имени только по рассказам – «Speak metogu», как говорил Набоков, упоминая Мнемозину. Татьяна Георгиевна могла бы написать прекрасные мемуары, но у неё не хватало на это времени. Она пережила войну¹, видела разрушенный Берлин, переехала в Париж, затем оказалась в Нью-Йорке.

Там она становится душой литературного и политического русского Нью-Йорка в салоне Цетлинов. В этом кругу она знакомится с молодым писателем, сбежавшим, как и она, из Европы.

Владимир Сергеевич Варшавский застенчив, медлителен и нерешителен в отношениях с женщинами. Их роман затягивается, но вдруг он решается и побеждает всех донжуанов, ухаживавших за весёлой, искрящейся энергией Татьяной Дерюгиной.

После свадьбы они едут в Калифорнию, где жил один из братьев Татьяны. Она вернулась в Штаты, чтобы стать помощницей Солженицына в Кавендише, штат Вермонт. Солженицын, которым Варшавский восхищался, символизировал для них другую Россию, пришедшую с русской земли против своей воли и менявшую понимание мирового устройства.

Позже они вернулись в Европу: сначала в Мюнхен, затем в Женеву, в ООН, где Татьяна стала востребованным переводчиком. Как раз в это время я познакомился с этой парой. Застенчивый историк большевистского безумия, охватившего Россию, Варшавский написал тогда «Родословную большевизма», и мы часто говорили о его книге. Сердечный приступ и

сложная операция унесли его жизнь в 1978 г. Татьяна Георгиевна осталась одна в их квартирке на Ферне-Вольтер. Но она не одинока: окружена друзьями, постоянно присутствует на православных службах в Шамбези. Архивы своего мужа Татьяна Георгиевна передала Дому Солженицына в Москве; переписка Варшавского со многими друзьями-писателями свидетельствует о том, что писатель Варшавский находился в центре литературных войн Незамеченной России: волчата против мастодонтов с нобелевскими премиями, европейцы против американцев, странная мозаика всей русской эмиграции 1930-х – 1970-х годов. В годы Второй мировой Варшавский сражался в рядах французской армии, несмотря на очень плохое зрение. Но он участвовал и в довольно безобидной литературной войне, которую русская эмиграция вела после 1945 г. Это был феномен, замкнутый на себе самом, так что война эта быстро закончилась.

Рядом с этим скромным героем стояла Татьяна Георгиевна, всегда восхищавшаяся своим Владимиром и всегда искрящаяся радостью. Она пережила его более чем на 40 лет, оставаясь верной выбору, сделанному в Нью-Йорке 1950-х годов.

«Незамеченное поколение» Владимира Варшавского сегодня тщательно изучается, рассматривается в лупу в многочисленных диссертациях, представленных в Доме русского зарубежья. Теперь нет ни одной ускользнувшей детали. И Татьяна Дерюгина – часть этой огромной мозаики, как яркий мак посреди зеленеющего поля. **КФ**

¹ В годы войны она состояла в небольшой группе молодых людей, которые помогали военнопленным бежать за

границу, распространяли листовки. За участие в движении Сопротивления в 1951 году была награждена орденом. – Ред.

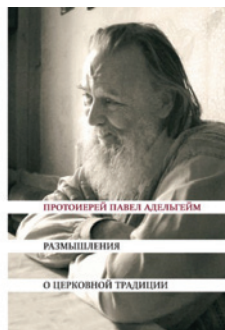

Предание

интернет-магазин
православной литературы

www.predanie.org

Связаться с нами
можно по телефону:
+7 (963) 316-53-93

Книги о вере и Церкви, уникальные исследования о братской и общинной жизни в истории и современности, о трагическом и полном надежды и силы духа опыте новомучеников Церкви Русской, тексты православного богослужения на русском языке в переводе свящ. Георгия Кочеткова (в том числе в электронном формате), беседы для тех, кто готовится к вступлению в Церковь

Среди наших новинок ранее не издававшиеся книги:

«Ива Эдесский и его время»
протопр. Николая Афанасьева,
«Евхаристическая экклезиология сегодня»,
«Хрестоматия по мистагогии»,
свежие выпуски Вестника СФИ
«Свет Христов просвещает всех»

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Прочитав эти слова, многие вспомнят предостережение Писания: тех, кто будет их говорить, внезапно постигнет пагуба, «подобно как мука родами постигает имеющую во чреве» (1 Фес 5:3). История – и библейская, и «светская» – постоянно напоминает нам о том, каким хрупким остаётся в падшем мире состояние хотя бы относительного мира и частичной безопасности. Если мы обернёмся назад, то увидим, как многократно повторяется сюжет: «ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришёл потоп и не истребил всех» (Мф 24:38–39). Так стоит ли стремиться сохранить неуловимое равновесие или нужно махнуть рукой, решив, что задача невыполнима? А если всё-таки хранить мир, то как это делать?